

Татьяна Губейдулина

Пустота

Татьяна Губейдулина

Пустота

«Автор»

2026

Губейдулина Т.

Пустота / Т. Губейдулина — «Автор», 2026

У Кати, вокалистки популярной метал-группы, есть всё: красота, ум, талант, слава и деньги. Вот только вместо любви, дружбы и человеческого тепла у неё в душе пустота, которую Катя пытается заполнить как умеет. Сможет ли героиня найти себя и настоящую любовь?

© Губейдулина Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Полина Ивановна	6
Глава вторая. Ваня	16
Глава третья. Светлана Николаевна	25
Глава четвёртая. Миша	30
Глава пятая. Олеся и Лёля	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Губейдулина

Пустота

Пролог

— Это катастрофа, — повторила Катя. За последнюю четверть часа она сказала это уже раз пять, что могло бы показаться чересчур драматичным, если бы не веская причина.

«Лавина» лишилась одного из двух вокалистов прямо перед записью пятого альбома. «Лавина», Катино детище, её работа, хобби и личная жизнь.

— Да ладно тебе, — пробасил Дима. Играл он, по забавному совпадению, на бас-гитаре. — Это не конец света.

— Правильно, — вскинулась Катя. — Во время конца света все умирают, а сейчас только я!

— Не истери, — велел гитарист Макс. — Найдём кого-нить — певунов, что ли, мало?

— Певунов как раз много, даже слишком! А вот вокалиста на наш материал...

— ...найдем всё равно, — договорил за неё Макс. — Давай с Лёвкой поговорю, у него пара знакомых есть. В крайнем случае будешь одна петь — раньше ж пела. И ничё, всем нравилось.

— «Раньше»! — передразнила она. — У меня все новые песни на два голоса написаны, и ты прекрасно это знаешь!

— Ну, перепишешь, — пожал плечами гитарист.

— А ты что думаешь? — Катя повернулась к барабанщику Роме, который всего год или около того как сменил Ваню. Эх, Ваня, Ваня...

Рома молчал так долго, что Катя уже хотела повторить вопрос, но наконец изрёк:

— Думаю, что, если б кое у кого одно место не чесалось, писали б мы альбом с Мишей и в ус не дули.

— Что?!

Катя злилась на него сильнее, чем могла бы, потому что он был абсолютно прав. Макс хмыкнул и вышел, набирая номер; Дима ржал в голос.

— Да хватит уже! — прикрикнула на него Катя.

— Я только начал.

Пару минут спустя в репзал вернулся Макс:

— Ну вот. Послезавтра придёт Лёвкин знакомый.

— Он петь-то хоть умеет, знакомый этот? — фыркнула Катя.

— Умеет. И опыт выступлений есть. Надеюсь тока, не в твоём вкусе окажется, — поддел её Макс. Его «тока» вместо «только», как и «тя» вместо «тебя» и прочие речевые изыски, давно не раздражали Катю: привыкла за двадцать лет, что они друг друга знали, — но вот сейчас словечко резануло по ушам.

— Да иди ты!

— Я-то пойду, — кивнул он. — А ты изволь послезавтра быть: вокалиста я один слушать не буду, эт не Ромка.

— Если от твоего пафоса сейчас не помру — непременно буду, — закатила глаза Катя.

Глава первая. Полина Ивановна

Катя и Макс учились в одном классе и лет в тринадцать даже друг другу нравились. Правда, дальше медляков на школьных дискотеках дело у них не зашло, но слушать одну и ту же музыку и крепко дружить это нисколько не мешало. А после каждого посещённого вместе концерта Макс с Катей взахлёб обсуждали, какие песни и как исполняли бы сами, пока однажды — им было уже по двадцать — Катя не рявкнула:

— Да хватит уже!

Но обо всём по порядку.

Когда Кате исполнилось десять, у её матери произошла последняя вспышка родительской сознательности. Только благодаря этому Катя и перешла из заштатной школы, откуда поступить можно было разве что в такой же заштатный техникум, и то с трудом, аж в целую гимназию. Правда, эта конкретная гимназия, несмотря на название, была с физико-математическим уклоном, а не с гуманитарным, ну да ладно.

Первого сентября Катя хмуро отстояла линейку со своим новым классом и так же хмуро вошла в здание школы. На первый взгляд одноклассники показались ей неприятными и заносчивыми. На второй — тоже. Шумная и сугубо положительная учительница с причёской, которую Катина мать обычно называла «взрыв на макаронной фабрике», фасовала детей, пытаясь сделать так, чтобы хотя бы в первый учебный день никто никого не убил. Катя, обогнув очередь на рассаживание, в которой толклись страждущие со сколиозами, близорукостями и прочим, просочилась в класс и пошла по дальнему от двери проходу, выскивая, куда бы сесть, чтобы не отсвечивать.

Первые три парты с обеих сторон уже были заняты шушукающимися девочками с идеальными проборами и тугими косичками, а также парой-тройкой мальчиков самого занудного вида. За четвёртой партией у окна сидела девочка, которой на вид было лет четырнадцать, — к ней Катя сунуться не рискнула, а по центру улюлюкали двое, судя по всему, закадычных друзей, один из которых тут же поставил Кате подножку. Девочка увернулась и сделала ещё пару шагов.

Пятой парты в центральном ряду почему-то не было, а у окна сидел встрёпанный полноватый мальчишка. Катя замедлила шаг и присмотрелась к нему: рубашка застёгнута сикось-накось, форменный бордовый пиджак, очевидно, с иголки, но одна пуговица уже оторвана, ногти обгрызены до мяса. Разглядев всё это, Катя тут же кинула портфель на стул рядом с мальчиком.

— Не занято у тебя? — для проформы уточнила она. Парнишка не ответил, потом, видно, шевеление рядом всё-таки привлекло его внимание, и он вытянул из правого уха наушник:

— Чё?

Она повторила вопрос.

— Не-а. Садись, если очень надо.

Из наушника неслось что-то агрессивное. Кате прислушалась:

— Это что у тебя играет?

— *Rammstein*¹, — несколько свысока ответил он. Девочка улыбнулась:

— Я и слышу! «Engel»² же, да?

¹ *Rammstein* — знаменитая немецкая индастриал-метал-группа.

² «Engel» (нем. «Ангел») — известная песня Rammstein с альбома «Sehnsucht» (1997 г.).

Мальчишка даже как-то отстранился, не без опасения осмотрел Катю с головы до ног и обратно, а потом с изрядной долей недоверия в голосе спросил:

— А ты чё, такое слушаешь?

Это была дружба с первого «чё».

Когда Катя много лет спустя обдумывала, стали бы они с Максом дружить, если бы не схожие музыкальные вкусы, то неизменно приходила к одному и тому же выводу: да, стали бы. Возможно, поначалу они бы держались вместе просто потому, что никто больше не горел желанием с ними общаться: с Катей — потому что даже десятилетки безошибочно распознали в ней выходца из неблагополучной семьи и воротили носы, а с Максом... Тут было сложнее, но Катя полагала, что её другу и самому никто был особо не нужен, ну или одноклассников отпугивал его «золотой» характер.

Во всяком случае, к середине пятого класса Катя с Максом уже проводили вместе не только перемены, но и несколько вечеров в неделю после школы, а к концу учебного года вообще стали не разлей вода. Родители, а точнее, мама и отчим Макса нарадоваться на эту дружбу не могли: их сын, которому вечно было ничего не надо, тянулся за гораздо более вольной подругой. Катя была старательной и ответственной, если бралась, то делала на совесть, и с ней Макс не болтался по каким-нибудь заброшкам в сомнительной компании, а сидел у себя в комнате и показывал очередной диск из коллекции, а то и брэнчал на выпрошенной на день рождения гитаре. На лето Макс с Катей расставались едва ли не с истерикой: его увозили в деревню, а ей предстояло проводить дома гораздо больше времени, чем хотелось бы. И тогда родители Макса предложили ему взять подругу с собой. Возражений со стороны Катинной матери, которая спала и видела сплавить дочь куда-нибудь, чтобы под ногами не путалась, ожидаемо не последовало.

Деревня, в которой жили бабушка и дедушка Макса по маме, располагалась в Бежаницком районе Псковской области, и ехать туда было часов восемь. Отчим Макса, Илья Геннадич, вёл машину спокойно, никуда не торопился, обгонять никого не рвался, потому и добрались без происшествий.

Когда одиннадцатилетняя Катя впервые вышла из машины у ярко-синего дома с белоснежными наличниками, её оглушила тишина. Нет, конечно, звуков в деревне было предостаточно: где-то вдалеке мычали коровы, перекрикивались женщины, шелестели деревья, откуда-то летели задорные напевы вперемешку с помехами, лаяли собаки, кукарекали петухи, — но без гула машин и толп народу казалось, что шумового фона и вовсе нет. Бабушка Макса, Полина Ивановна, высокая и дородная, с одинаковой теплотой обняла и внука, и незнакомую тощую девочку.

— Чего за заморыша ты мне привезла? — добродушно спросила она у дочери.

— Это Максика одноклассница, Катюша. Хорошая девочка, но мама у неё... — Светлана Михайловна выразительно округлила глаза. Бабушка покивала, ни разу больше ничего про Катю ни у кого не спросила и сразу приняла девочку как родную.

Катя впервые попала в настоящую деревенскую избу: две комнаты, вязанные крючком ажурные салфеточки, старая швейная машинка ПМЗ, кражистая мебель с тяжеловесными резными завитушками, скрипучие полы с тряпичными половиками, а главное — огромная русская печь. Забираться на неё надо было с деревянной лавки, и крошечная Катя долго не могла взять эту высоту, но когда наконец взяла, лежанка на печи стала её любимым местом в доме.

— Косточки-то греть надо, — улыбалась Полина Ивановна.

Аппетит гостя неизменно радовал хозяйку: Катя, дома кормившаяся тем, что могла найти и на что хватало карманных или стащенных втихую у матери денег, подчистую сметала всё, что клали ей на тарелку. Томлёные щи, квашеная капуста, домашний творог с домашней же сметаной — такой густой, что из неё тяжело было вытащить ложку, — каши и прочие деревенские разносолы Катя поглощала с завидным энтузиазмом. Да ещё неизменно добавки просила.

— Ну вот, хоть щёчки появились, — приговаривала бабушка Макса, глядя на гостью. Внук относился к плодам кулинарного труда Полины Ивановны с гораздо меньшим энтузиазмом, а в некоторые дни и вовсе предпочитал питаться одними бутербродами или тарелкой пустых макарон.

Понравилось Полине Ивановне и стремление Кати помогать по хозяйству. Она быстро научила девочку ухаживать за грядками, кормить кур, доить корову по имени Волга, низенькую и длинную, как такса, и тереть одежду на стиральной доске.

— В следующем году опять приезжай, — сказала Полина Ивановна, расцеловывая Катю на прощание в середине августа.

И Катя приехала. Потом ещё и ещё. И только много лет спустя поняла, во-первых, какую ответственность по доброй воле взвалили на себя родные Макса, привечая чужого ребёнка, а во-вторых, какое доверие проявили, поселив двух пубертатных подростков вместе, ведь друзья так и спали в дальней комнате, где была не русская печь, а голландка, даже когда им исполнилось по четырнадцать. Правда, старые кровати с панцирной сеткой были страшно скрипучие, но кого это когда останавливало. Впрочем, ребята доверие оправдали, молодцы. Они вообще в вопросах пола были на удивление наивны, причём разбитной Макс — даже наивней Кати.

Самым первым выступлением, на которое Макс умудрился отпроситься у *предков*, был концерт группы «Король и Шут». Друзьям тогда было по четырнадцать — точнее, Макс было, а Кате исполнилось через три месяца. Она, в отличие от друга, вольна была ходить, куда и во сколько ей вздумается: мать увлеклась строительством счастливой жизни в отдельно взятой паре с очередным хахалем, а отца Катя не видела даже строчкой в свидетельстве о рождении, где на его месте чернело злобное тире.

В небывалом волнении, надев на себя всё самое чёрное и панковское, друзья встретились у метро и, на удивление, молчали в ожидании автобуса. Ехать надо было на Металлистов, прямого транспорта туда в те времена не ходило, и Катя с Максом боялись опоздать.

Был четверг, так что автобус приехал битком набитый усталыми, затрёпанными взрослыми, которые с явным недовольством косились на парочку разукрашенных чёрным карандашом подростков (Катя втихаря стащила карандаш у матери, сама нарисовалась дома, Макс — уже на остановке, глядя в тёмное её боковое стекло, и получилось так себе), которые ещё и нервно, как скаковые лошади, переступали по чужим ногам *гадами*.

— Девочка, да стой ты спокойно! — не выдержала наконец дебелая тётка рядом с Катей. Та зыркнула на неё густо зачернёнными глазами, но топтаться перестала.

Макияж здорово выручил юных любителей панк-рока: охранник на входе подозрительно оглядел их, но решил, что впустить Катю с Максом внутрь всё-таки можно.

Концерт превзошёл все их ожидания. Любимые песни в живом исполнении оказались ещё круче, а звук — тяжелее. Кто-то облил Катю пивом, но она заметила это только дома — почувала не только табачный, но и хлебный запах от одежды, которую стащила с себя и несла выветривать на балкон. Макс первые четыре песни стоял истуканом, а потом поддался общему безумству и заскакал, как прищипоренный. Катя мало что видела — не с её крошечным ростом было глядеть на сцену из толпы, не с её птичьим весом проталкиваться вперёд, — но впечатлений ей это нисколько не испортило.

После концерта Катя и Макс — распаренные, как из бани, с вытаращенными глазами, выстреливающие впечатления так, что мысли не поспевали за словами, — вывалились из клуба и чудом добежали до позднего автобуса. Сели в самом конце салона и скоро примолкли: за полпути словесные водопады иссякли, придавленные величиим полученного опыта. Катя повернулась что-то сказать — не о концерте, а о том, на какой остановке пересаживаться на маршрутку, — как вдруг лицо Макса оказалось очень близко, а в углу рта стало мокро.

Катя и осознать ничего не успела, а Макс уже смущённо отодвинулся. Он, похоже, и сам до конца не понял, в щёку целился или в губы. Не о таком первом поцелуе Кате мечталось, но что ж поделать: какой получился. Назад, чтобы перецеловать, не потребуешь. На следующее утро в школе Макс усердно делал вид, что ничего такого не произошло, и Катя с облегчением присоединилась к его спектаклю.

Катя ездила бы в деревню и дальше, благо Светлана Михайловна её приглашала, но на четвёртое её лето в Кружково случилось вот что. Макс, как обычно, привёз с собой гитару. Не то чтобы он занимался, но бренчать иногда брэнчал — на радость бабушке и дедушке, которые невпопад, но от души пели старые песни под полтора аккорда, прилипшие-таки к их внуку, несмотря на всё его сопротивление. Тем летом, в две тысячи четвёртом, в деревне внезапно образовалась компания подростков — обычно приезжали только Катя с Максом и несколько ребяташек, которые, во-первых, были лет на пять младше, а во-вторых, жили на другом конце деревни: не «поверху», где Полина Ивановна, а «понизу». Новым же ребятам — Лёше, Сашке, Андрею и Сене — было от тринадцати до шестнадцати, и они сразу, как только приехали, пошли знакомиться со всей деревней.

Пока парни думали, что Катя и Макс родственники, всё было хорошо. Но стоило Максиму наивно поправить Сашку, который назвал Катю Максовой сестрёнкой, как ситуация кардинально поменялась: теперь новые знакомые смотрели на разнополых друзей очень косо — видимо, разделяли мнение о том, что дружбы между мужчиной и женщиной не бывает даже в таком нежном возрасте. Макс стал проводить вечера, наигрывая какие-то подозрительные, блатного звучания аккорды на автобусной остановке, где собирались парни, и Катя замечала, что её общество друга тяготит. Полина Ивановна замечала это тоже — и несколько раз пыталась поговорить с внуком, который эти разговоры воспринимал исключительно в штыки и от которых становилось только хуже. В итоге Катя просто перестала ходить с Максом на вечерние посиделки, а потом и в целом держаться рядом с ним. Ей всё это было неприятно, но Катя считала, что раз она приезжает к его родственникам, а не наоборот, то и не имеет права выказывать какое-то недовольство. Поэтому, когда к концу каникул Макс почти перестал с ней разговаривать, она просто решила больше не навязывать ему своё общество и в деревню не ездить. Но стоило друзьям пойти первого сентября в школу, как всё волшебным образом вернулось на круги своя и Макс снова разговаривал с Катей как ни в чём не бывало. А она без малейшей обиды и с большим удовольствием общалась с ним.

На тех же последних совместных каникулах произошло и ещё кое-что: Макс здорово изменился. До восьмого класса включительно он был нескладным и полноватым, поэтому девочки им нисколько не интересовались. А вот когда Макс пришёл первого сентября вытянувшимся и без щенячьего жирка, да ещё с изрядно отросшими волосами, завязанными в небрежный хвост, женская часть класса внезапно прозрела и чуть не передралась за право разделить с ним его неизменную пятую парту. Катя, само собой, была в курсе метаморфоз друга, потому что почти всё лето они провели вместе в Псковской, а волосы Макс вообще отращивал полтора года как — странно, что ни школьники, ни учителя не обращали внимания. Катя шла на уроки с неприятным предчувствием, что придётся подыскивать себе новое место в классе, потому что друг и впрямь здорово похорошел за лето, а пора первых влюблённостей у одноклассников давно началась, да ещё и опыт с деревенской компанией настораживал. Но её ждал приятный сюрприз: когда Катя в числе последних втащилась в класс, куда её ноги не несли, то увидела, что Макс отгоняет от соседнего с собой стула одну королеву класса за другой.

— Идите на фиг, — услышала она уже на подходе. — Я как с Катюхой сидел, так и дальше сидеть буду.

Голос у него очень удачно переломался летом, и Макс у не пришлось врать про затянувшуюся простуду, как делали некоторые одноклассники. Его йодли и фальцет слышали только Катя и население деревни Кружково, и все отнеслись к этому с большим пониманием.

Девушки — одна уже глаза красить начала, а вторая неуверенно покачивалась на семисантиметровых каблучках — уничтожили Катю взглядом, но рот открывать не решились. Видимо, запланировали боевые действия на более поздние сроки.

— Разогнал поклонниц? — поддела Катя друга — точнее, поддела бы, если б Макс реагировал на подначки чуть чаще, чем никогда. Плехнувшись на стул рядом с другом, она испытала невероятное облегчение.

— Да в задницу пусть идут. Был стрёмный — хоть бы одна, кроме ты, на меня посмотрела.

— А кто тебе сказал, что я смотрю?

— Сам придумал. Надо ж как-то утешиться.

К первой дискотеке учебного года преобразование Макса заметили уже не только одноклассники, но и признанные красотки параллели. Вот только не учли, что новоиспечённый сердцеда оказался злопамятным и на все медляки упрямо приглашал Катю.

— Смотри аккуратнее, а то слухи пойдут, — сказала она другу, уже в четвёртый раз положив руку ему на плечо и кружась под «Behind blue eyes»³.

— А те не пофиг? Или не хочешь, чтоб на ты думали, что ты со мной гуляешь?

— Да мне всё равно, — покривила душой Катя, а сама поёжилась при воспоминании о маленьком автобусном происшествии полгода назад, но решила его не озвучивать, тем более что новых авансов Макс ей не делал.

Оставшиеся три года до выпускного девчонки в бессильной злобе наблюдали, как Макс с необычной для него аккуратностью сидит только с Катей и только с ней танцует на дискотеках. Катя только посмеивалась: уж кто-кто, а она прекрасно знала, что никакой романтики между ней и другом нет, а на зимних каникулах в девятом классе Макс завёл себе первую девушку — не из школы, какую-то дочь маминой подруги. К концу одиннадцатого класса этих девушек у него сменилось пять, причём ни одна не слушала ту же музыку, что и он, и на концерты друзья так и ходили вдвоём. Катя знала всех подружек Макса по именам и в лицо, а многих и лично.

А на выпускном он снова танцевал с Катей.

— Вот тебе жожа-то под хвост попала с этими медляками, — сказала она. — Пригласил бы кого-нибудь ещё, вон Игнатёва скоро всё платье слюнями зальёт, глаз с тебя не сводит.

— На хрен пусть идут, — упрямо сказал Макс. Танцевали они не то чтобы на пионерском расстоянии, но весьма целомудренно, и только очень ревнивый взгляд мог увидеть в этом признаки чего-то романтического. Катя прекрасно знала, что друг сейчас в одном из немногих и недолгих периодов без девушки, и радовалась, что он не делает поползновений в её сторону. Она любила и ценила Макса, но исключительно как друга.

— Они-то, может, и идут, а я все эти годы всерьёз опасуюсь за свою жизнь.

— Это ты-то? Ага, конечно.

Катя, несмотря на то что была крошечной, вполне могла постоять за себя. Только один раз, когда к ним в класс перевели совсем уж безбашенного хулигана, Макс у пришлось доходчиво объяснить новенькому, почему донимать Катю не стоит. Хулигана, к слову, в конце первой четверти перевели куда-то ещё, как переходящий приз.

— Ладно, хорошо. Но как минимум тогда, с Роговым...

Макс вдруг резко посерьёзней. За семь лет Катя видела такое выражение у него на лице всего пару раз и теперь даже как-то напряглась.

³ «Behind blue eyes» («За голубыми глазами») — песня британской рок-группы *The Who*, выпущенная в 1971 г. Здесь имеется в виду кавер-версия песни, записанная американской рок-группой *Limp Bizkit* в 2003 г. и звучавшая в фильме «Готика».

— Пусть кто-нить тока попробует пальцем ты тронуть, — сказал он и подтянул Катю поближе, хотя и это всё ещё выглядело очень невинно. — Прибью на месте.

— Ну да, тебе невыгодно, чтоб со мной что-то случилось. Если б не я, ты бы и школу не окончил, — отшутилась она, разглядев в его глазах что-то новое — такое, что её испугало. И в этой шутке определённо была доля правды: бессчётное количество проверочных, контрольных и экзаменов Макс смог сдать только потому, что Катя долгими вечерами объясняла ему очередную тему (списывать просто так принципиально не давала), а на литературе он выплывал исключительно за счёт Катиных пересказов книг — она-то как раз все их читала вовремя. Более того, получала от них удовольствие. Макс, надо отдать ему должное, пересказам подруги честно внимал и пытался хоть что-то понять и запомнить, да и вообще к Катиным усилиям по его образованию относился с уважением и благодарностью.

— Кто б спорил, — не стал отрицать он.

А если б не Макс, который всю среднюю и старшую школу был рядом, Катя вряд ли выдержала бы в гимназии дольше пары лет.

Итак, в ноябре две тысячи десятого Макс на раздолбанной отцовской «девятке» (единственное имущество, что досталось его матери при разводе) вёз Катю домой после грандиозного концерта в «Ледовом». Кате почему-то вспомнилась пара, сидевшая рядом с ними: высоченный худой парень с гротескно кривыми ногами и его робкая подруга, явно на несколько лет и отношений младше, которая всё пыталась заглянуть ему в лицо. Парень забрал у девушки куртку и весь концерт любезно держал у себя на коленях, вот только место занял более удобное — ближе к сцене, так что девушке приходилось из-за него выглядывать. Катя подумала, что этой паре недолго осталось и что робкая девушка скоро наскучит кривоногому, — и так никогда и не узнала, что была полностью права.

Максу было прекрасно известно, что Катя ненавидит холод и постоянно мёрзнет, поэтому автомобильная «печка» работала на полную. Впрочем, даже когда машина прогрелась, вентилятор гнал больше бензиновой вони, чем тепла, и минут через двадцать Катя поморщилась и выключила его: в Максовой машине, как и в его жизни вообще, она давно чувствовала себя вольготно. И на очередное его мечтательное «Вот бы и нам так же!» и выпалила гораздо грубее, чем хотела:

— Да хватит уже!

Макс с испуга дёрнул руль, и машина вильнула, благо дорога была пустая. Не без опаски ждал он, что Катя скажет дальше. А она сказала:

— Пора своё писать!

— А ты умеешь?

— Ну надо же с чего-то начинать! Думаешь, все сразу шедевры пишут? Сочиняют муру какую-нибудь, пока не научатся!

Катя полгода как пошла заниматься вокалом. Макс чуть не с пятого класса её на это уговаривал, но на школьном прослушивании в хор учительница музыки Катю завернула, а дома девочка постоянно слышала от матери:

— Ни слуха, ни голоса!

А ведь Катя мечтала петь с тех самых пор, как впервые услышала титульную песню из «Красавицы и чудовища». И каждый раз, слыша эту песню, тихонько подпевала.

В школе она училась хорошо, но не потому, что усердно занималась или ей было интересно, а потому, что само липло. Поступила со своим аттестатом и баллами ЕГЭ без всяких сложностей и по трамвайному принципу на экономику, от которой с души воротило, но которая зато почти не отнимала времени. Тем временем оболтус Макс не поступил никуда, год отслужил, вернулся и ценой невероятных усилий обрёл место в автодорожном колледже. Друзья по-прежнему жили рядом, но виделись нечасто, в основном на концертах. Кстати, встре-

чала Макса из армии, помимо матери и отчима, именно Катя, поскольку с очередной возлюбленной он расстался аккуратно перед призывом. Дембель в обычной своей расслабленной манере выгрузился из поезда, снисходительно приобнял родителей и с гораздо большим энтузиазмом, неудивительным для молодого здорового мужчины, только что вернувшегося из армии, обхватил Катю. А она погладила его по непривычному ёжику и спросила:

— Ну как ты?

— Да нормально, — удивился он. В этом был весь Макс: ему везде было нормально, а париться он попросту не умел, даже в серьёзных случаях.

Тогда же, в ноябре 2010-го, по дороге с концерта, Катя спросила:

— Послезавтра у тебя?

— Давай. Как обычно?

«Как обычно» означало в три часа дня: Макс уже заканчивал занятия, на которых его учили кем-то там работать (он и сам не помнил, кем), Катя прогуливала последние полторы пары в своём экономическом, а мать и отчим Макса ещё были на работе. Пару часов друзья перебирали разные песни, которые им нравились, Макс наигрывал на гитаре, Катя напевала. Но в понедельник после концерта всё было по-новому: Катя впервые решилась запеть в полную силу.

— Хрена у ты голосина прорезался, — одобрил Макс, который от удивления даже играть перестал.

Но не только этим поразила она Макса. После обычного репертуара: «Ария», «Эпидемия», немножко *Nightwish*⁴ и *Evanescence*⁵, — Катя, краснея, кусая губы и прихлопывая себе по бедру в такт, затянула на английском что-то незнакомое.

— Прикольно. Эт кто? — спросил Макс, когда она закончила.

— Это моё.

Он потрясённо замолчал, потом проговорил:

— Надо делать.

— Надо. И не только её. Петть будем по-английски.

— А ты умеешь? — спросил Макс, невольно повторив вопрос двухдневной давности, касавшийся написания песен. Катя нахмурилась:

— Ну, в школе я была одной из лучших...

— Школа школой, — перебил он, — но те точно хватит языка, чтоб стихи на нём писать?

Как следует обдумав этот вопрос, Катя устроилась на подработку — расставлять продукты в магазине — и почти всю зарплату тратила на репетитора. Через полгода она была уже вполне уверена в своём уровне языка и отказалась разом и от репетитора, и от магазина, но по дороге в университет и обратно слушала теперь не музыку, а передачи на английском.

За несколько месяцев Катя с Максом написали пятнадцать песен, из которых двенадцать позже вошли в первый альбом группы — та уже получила название «Лавина». Катя сразу заявила, что песни они пишут не в стол, а чтобы выступать. Сказано — сделано: едва материал был готов и худо-бедно отрепетирован, друзья стали играть для публики. Начинать пришлось с заштатных баров и кафешек, где Катю и Макса едва ли кто-то слушал, зато похабных взглядов хватало, причём Максу их доставалось едва ли не больше и пьяненькие тётушки были весьма настойчивы. К тому же надо было не столько петь своё, сколько перепевать чужое, причём, как правило, такое, от которого друзья плевать хотели: шансон, второсортную попсу, а то и вовсе блатные песни.

⁴ *Nightwish* — финская метал-группа, одна из самых известных в мире групп в жанре симфо-метал.

⁵ *Evanescence* — американская рок-группа.

— Нам нужна ритм-секция, — постановила вскоре Катя. — Вдвоём, с акустикой, мы никуда не пробьёмся.

Со свойственной ей решимостью и энергией она взялась за поиск музыкантов, но нашёл их в итоге Макс — как обычно, расслабленный и с видом полного безразличия к чему бы то ни было. Именно в его паутину знакомств попались Дима Миронов и Ваня Смирнов. Первая встреча с будущими товарищами по сцене состоялась после особенно неудачного выступления в очередной полуподвальной пивнухе. Сначала, впрочем, к Кате и Максиму подлетела полноватая девица.

— Великолепно! — неискренне выдала она и с разбега поцеловала Максима в губы. Катя открыла было рот, чтобы отвадить буйную фанатку, но Макс рассмеялся и сказал ей:

— Знакомься! Это Лёля.

Девица, не таясь, придирчиво осмотрела Катю с ног до головы, после чего, видимо, решила, что та опасности не представляет, и включила дежурную натянутую улыбочку:

— Так ты, значит, и есть та самая знаменитая Катюша, о которой я столько слышала?

Катя подивилась про себя, что она-то как раз про эту Лёлю не слышала ни звука. Максиму подобная скрытность была органически несвойственна, и обо всех прошлых похождениях друга Катя знала даже больше, чем хотела бы, вплоть до точной даты, когда он расстался с невинностью. Так что, подумав, она решила, что тут без влияния новой подружки не обошлось.

Отвязавшись от Лёли (её пришлось усадить в баре под присмотром Максимова одноклассника, который пришёл послушать выступление), друзья наконец увидели басиста Диму и барабанщика Ваню. Те сидели в самом дальнем и тёмном углу и, по всей видимости, неплохо проводили время. При появлении Максима в компании незнакомой девушки Дима (двадцати двух лет и уже с обручальным кольцом) галантно встал и подал руку, а Ваня только лениво оглядел Катю. Похоже было, что её метр пятьдесят пять и сорок четыре килограмма никакого впечатления на него не произвели.

Дима был длинный и тощий, как гриф бас-гитары, Ваню же с его инструментами внешне не роднило ничего. Небольшого роста, с выраженной мускулатурой, коротко стриженный, он напоминал братков пятнадцатилетней давности, только с образованием.

— Неплохо поёшь, — сразу сказал он Кате. — Только попса тебе не идёт.

— Вот поэтому я и хочу завязывать с забегаловками и пробиваться на тяжёлую сцену. Материал у нас есть...

— У нас мозгов не хватает? — предположил Ваня.

— У нас много чего не хватает. Музыкантов, репточка...

— Ну, точка, положим, не проблема, — пробасил Дима. — Их как грибов сейчас.

— Ага, только деньги готовы, — возразила Катя. — У меня лишних столько нет.

— Лишних вообще не бывает, — лениво протянул Ваня.

— Иногда за постоянную аренду скидки дают, — заметил Дима.

— В любом случае, нам надо собраться и поиграть. Мы вам песни покажем...

Ваня попытался вставить ещё что-то чрезвычайно остроумное, но Катя одним взглядом заставила его замолчать. Он хмыкнул, но оставил реплику при себе.

Уговорились собраться через пару дней. Макс повёз домой свою Лёлю, которая жила где-то на Ржевке, а Катя поехала сама на перекладных. Только перед первой репетицией с Димой и Ваней ей удалось наконец задать другу так сильно волновавший её вопрос:

— Как тебя угораздило связаться с этой Лёлей?

Все предыдущие пассии Максима были как на подбор красотки — к этой категории Катя не относилась только себя, но объясняла своё появление в начале донжуанского списка друга его былой юношеской неопытностью. Если вообще имела право открывать этот самый список, ведь между ними ничего толком не было, кроме разве что робкой симпатии (и злосчастного автобусного поцелуя). Раньше скорее приходилось гадать, как это очередную девушку угораз-

дило связаться с Максом, тем более что назвать его красавцем было сложно — симпатичный, но не более того, ещё и характер, мягко говоря, не сахар. Лёля же отличалась от Максовых бывших, как картошка фри от меню ресторана «Палкинъ».

— Ну... — протянул Макс. Похоже, и сам толком не знал. — Я у неё первый был.

Катя едва успела замаскировать истерический смешок под приступ кашля.

Во-первых, в то, что дородная Лёля дождалась Макса и впервые познала плотские радости с ним, верилось так же, как в контакты с пришельцами, или даже меньше. Тем более разница в возрасте у этих двоих была как раз в Лёлину пользу. Во-вторых, Катя не предполагала, что для современных мужчин вообще и обормота Макса в частности невинность была таким уж весомым аргументом. А в-третьих, друг невольно задел её за живое: сама Катя до сих пор была девушкой.

— И что теперь? — прочистив горло, спросила она. — Жениться будешь?

— Не, ну зачем так сразу, — испугался Макс. Катя вздохнула с облегчением. Не хватало ещё потерять на самом старте гитариста — и единственного друга. В то, что она сможет дружить с ним после его женитьбы на Лёле или что Лёля-жена будет отпускать Макса на репетиции и тем более на гастроли, Катя не верила ни секунды. А вот в то, что гастроли у группы обязательно будут, как раз верила — искренне и всей душой.

Первая репетиция с Димой и Ваней прошла... странно. Катя жутко волновалась, показывая свои песни кому-то, кроме Макса: чувство было такое, что она привела на ярмарку корову, которой придиричвые покупатели заглядывают во все места, даже самые невообразимые. По лицам потенциальных соратников невозможно было понять, что они думают (по лицу Димы — думает ли он вообще). Исполнив четыре песни, Катя испуганно замолчала — так молчат у врача, когда он смотрит анализы и готовится объявить приговор, вон и недобрая складочка между бровей залегла.

— Круто, — сказал Ваня с выражением лица, далёким даже от минимального одобрения.

— Мне вторая особенно понравилась, — высказался Дима.

— Вторая — моя любимая, — призналась Катя.

Песня называлась «The shore» — «Берег» — и, в отличие от остальных, была медленной, в стиле классической рок-баллады. Если все другие композиции предполагали тот или иной уровень громкости и тяжести, в большинстве случаев высокий, то в «Береге» вполне хватало нежных переборов на гитаре и аккуратной работы ритм-секции, хотя Катя предполагала, что когда-нибудь можно будет добавить туда пианино или даже виолончель. Текст этой песни словно сам собой возник в Катиной голове около года назад, одним особенно грустным вечером. Дело было так.

В институте появился новый преподаватель английского. У Кати он не вёл, поскольку иностранные языки шли только на первых двух курсах, а она уже была на четвёртом, но тем не менее Дмитрия Ивановича она видела в коридорах и знала. После того как она решила, что он будет ей нравится, Катя со свойственной ей неотступностью начала добиваться его внимания. В ход пошло всё: подработка на кафедре, где трудился объект интереса, «случайные» столкновения в институте и окрестностях, подбрасывание в аудиторию, где тёзка Менделеева вёл занятия, разных вещей с последующими слёзными просьбами помочь их отыскать. Катя неутомимо изобретала всё новые и новые способы привлечь к себе внимание, и наконец преподаватель сдался. На втором свидании он поцеловал Катю — она не стала посвящать его в такие мало-значительные подробности, как то, что этот поцелуй, не считая мокрого автобусного происшествия семилетней давности, был у неё первым, — а на четвёртую встречу пригласил поужинать у себя дома. Гастрономический предлог, впрочем, не обманул даже неопытную Катю.

Всё шло чётко в соответствии с её планом, пока не настало время для того, ради чего, собственно, всё и затевалось. Не успела Катя возликовать и вытянуться на покрытой катыш-

ками, грубой, неглаженной простыне, как Дмитрий Иванович — уже просто Митя — поднялся от неё на руках и устоялся как на какую-то небывальщину.

— Ты почему мне не сказала, что ты ещё девушка?

Обиды и, кажется, даже боли в его голосе было столько, будто Катя скрыла от него не наличие какой-то дурацкой складочки на слизистой (которая, говорят, даже не у всех есть), а как минимум тот факт, что она гондурасский военный преступник.

— Не знаю, — шепнула она. — Растерялась, наверно.

Он лёг рядом и обнял её.

— Если бы я знал, — сказал он тихо и теперь уже ласково, — то ни за что бы даже пальцем тебя не тронул.

— Это почему ещё?

Катя вскинулась на локоть и сердито уставилась на несостоявшегося любовника.

— Не хочу, чтобы тебе это запомнилось... вот так. — Он беспомощно развёл руками.

— Понятно.

Катя вскочила и судорожно принялась одеваться. Неправдоподобно узкие джинсы, которые она надела исходя из своих представлений о сексуальности, сыграли с ней злую шутку и никак не хотели надеваться на влажные от пота ноги. От этого Катя вспотела ещё сильнее, что делу, конечно, не помогло.

Наконец мучительное одевание под уговоры и оправдания Мити закончилось; Катя злобно бросила ему, чтобы не смел провожать, и вывалилась из панельки на Пискарёвском. Опять тот же район, где Макс неуклюже целовал её в автобусе! Похоже, сама вселенная намекала Кате, что в этих краях искать счастья нечего, во всяком случае романтического.

Катя чёрт знает сколько прождала автобус и до костей продрогла, а он так и не приехал. Тогда, чтобы согреться и заодно увеличить шансы уехать наконец домой, она зашагала к железнодорожной станции «Пискарёвка», где и села наконец в вожденный транспорт, причём не в автобус, а в пятьдесят первый трамвай, у которого там была конечная. Прижав ноги в проклятых джинсах к самой печке, Катя смотрела в окно и изо всех сил старалась не плакать. Тогда-то в её голове и сложились сами собой строки, которые чуть позже оформились в песню «Берег».

В этом тексте нашло отражение всё, что так довлело над Катей и чего ей так не хватало. Одиночество и ощущение оторванности от всех. Вынужденная самодостаточность, невозможность никому довериться даже в мелочах. Отчаянное желание близости — не секса, нет, а чувства единения, причастности, принадлежности; взгляда в самую душу, касания, вдоха. Готовность преодолеть любые трудности, только бы тебя где-то ждали.

К моменту, когда двери с шумным вздохом распахнулись на углу Светлановского и Тимуровской, Катя ревела в три ручья. Обнажать свою уязвимость, пусть и в тексте, которого ещё никто не видел и не слышал, было страшно и больно. Катя даже подумывала спрятать стихотворение подальше или вообще уничтожить, но следующим утром, перечитав его на свежую голову, поняла, что из него получится прекрасная песня.

Глава вторая. Ваня

Итак, юная группа начала репетиции. Быстро выяснилось, что уровень владения инструментом у четверых музыкантов здорово отличается: Ваня способен был извлечь из своей уставки почти любые требующиеся звуки, Катя хорошо справлялась с вокальными партиями, несмотря на то что делала их непростыми, а вот Макс и особенно Диме умений явно не хватало.

— Занимайтесь больше, — повторяла им Катя. Макс пожимал плечами, а Дима чесал и затылке и смущённо басил:

— Да когда ж мне заниматься-то. Дома супруга в положении...

При слове «супруга» Кате хотелось нахлобучить на него пыжиковую шапку. Заставить же учиться Макса было невозможно даже под страхом смертной казни. Правда, у этого жука всё как-то само собой получалось: вот вроде никак и ничего, а потом бац! — и готово дело. Так же и с гитарой: Макс никогда на Катиной памяти толком не занимался, упражнения не делал, но ведь стал же сносно играть!

Дебют «Лавины» в новом составе произошёл слишком быстро, когда никто не был к нему готов. «К этому не подготовишься», — заявил Ваня обычным своим тоном. Выступали в «Неформате» на заштатном фестивале молодых групп. По меткому выражению Макса, народу на сцене было больше, чем в зале, и всё же это был полноценный дебют с электрическим сетом⁶.

Несмотря на то что сбывалась Катина мечта выйти на сцену полноценной группой, перед выступлением колотило от волнения. Музыканты выглядели собранными, но спокойными, а у Кати ноги тряслись. Макс это заметил и, на полуслове перебив сам себя (он как раз обсуждал с Димой ужасающие ценники на струны), сказал подруге:

— Ты чё психуешь? Нормально всё будет, ты ваще на нашем фоне рок-звезда. Ты ж нас всех, вместе взятых, на голову выше. — Он крепко обнял Катю, похлопал по спине и не без иронии добавил, глядя сверху вниз: — Я про музыку, ясное дело.

Дима заржал, Ваня с силой выдохнул, а Катя нервно рассмеялась, и её немножко отпустило. Во всяком случае, уже могла не бояться, что из-за подкашивающихся ног свалится со ступенек, поднимаясь на сцену. Басист с ударником влезли между друзьями один слева от Кати, другой справа, и четверо музыкантов обнялись.

Когда Катя почувствовала, как от чётких Ваниных ритмов вибрирует под ногами сцена, когда услышала, как собственный голос, отделившись от неё, парит под низким потолком, когда увидела, как подтянулась к сцене публика, она даже не осознала, а убедилась, что именно этого всю жизнь и хотела. Выступление легло в мозаику её жизни тем самым недостающим центральным фрагментом. На поклоне слева от неё стоял Дима, а справа Макс, и Катя, выпрямившись, посмотрела на друга — он в ответ широко улыбнулся, а потом, уже за кулисами, сказал:

— Вот видишь, а ты боялась.

Взлёт «Лавины» был стремительным: от первого «электричества» в полупустом «Цоколе» до сольника с первым альбомом в «Зале ожидания» прошёл всего год. Молодой группе, конечно, изрядно повезло: их заметила пара изданий, в том числе легендарный «Рок-журналист», а потом крошечный отзыв о концерте появился в одном из петербургских выпусков газеты «Метро».

И это был прорыв. На следующее утро Катя, как говорится, проснулась знаменитой. Слава обрушилась в первую очередь на неё: во-первых, такая уж судьба у вокалистов, а во-

⁶ Сет (сетлист) — упорядоченный список песен, исполняемых музыкантами на выступлении.

вторых, именно Катина пение превозносилось в отзыве. Про ошибки в гитарных и особенно басовых партиях автор вежливо умолчал, за что Катя готова была его расцеловать, а вот Ванино исполнение, близкое к идеальному, несправедливо обошёл стороной.

Запросы и приглашения посыпались как из рога изобилия. За второй год своего существования в полном составе «Лавина» отыграла двести два концерта, в том числе на «Нашествии» и «Максидроме». Фан-клубы группы появились по всей России, от Москвы до самых, так сказать, до окраин. С тем количеством букетов, которое дарили Кате на каждом выступлении, впору было открывать цветочный магазин. Группа обросла не только поклонниками, но и командой: начали со звукорежиссёра Лёши и техника Паши, потом добавился Игорь, который выполнял все остальные функции от уборщика и доставщика еды до агента, тур-менеджера и директора.

А Катя была несчастна. Казалось бы: ну чего тебе ещё надо? Мечтала петь на сцене? Поёшь на сцене. Хотела успеха? Так вот он, успех — оглушительный, неправдоподобный! Признания не хватало? Твои песни по радио крутят, очнись, а на концертах весь зал поёт!

Выяснилось, что никакой фурур, никакие тонны цветов, никакие признания в любви и предложения руки и сердца от поклонников не могут заполнить страшной пустоты внутри. Пустоты на том месте, где должно было быть человеческое тепло. Пока у Макса не было Лёли, контролирующей каждый его шаг, Катя хоть как-то держалась на дружбе, а теперь совсем сникла.

Она справлялась с пустотой единственным известным ей способом: работала больше, больше и больше. Песен, которые она писала на клочках бумаги, салфетках, даже у себя на руках за кулисами, во время саундчеков⁷, в автобусах и метро, хватило бы альбомов на шесть. Отдельный альбом можно было бы составить из дуэтов, которые она спела с самыми знаменитыми вокалистами и группами отечественной рок- и метал-сцены. Она освоила расщепление вплоть до гроула⁸, нашла у себя свистковый регистр, пробовала академическое пение, а ещё научилась кое-как наигрывать на фортепиано. Она сама организовывала концерты, заказывала билеты на поезда и самолёты вместо Игоря, следила, чтобы ничей чемодан не потерялся. Примерно в то же время, когда у «Лавины» вышел альбом, Катя сдала последние экзамены и получила свой ненужный документ о высшем образовании. На выпускной, конечно, не пошла, вялое приглашение активисток курса выступить на нём с группой не очень вежливо отклонила, пропустила даже церемонию вручения дипломов — забрала свой в деканате в предпоследний день перед тем, как тётушки с химией советского образца на головах поуходили в отпуск.

Дыре в груди было на Катины усилия и успехи плевать. Она всасывала в себя всё хорошее, уничтожала его и жадно требовала ещё, и ничем этой дыры было не заткнуть.

Ещё Катю очень беспокоила обратная сторона известности. С первых же успехов Катины страницы в соцсетях непрерывно подвергались набегам всяких сомнительных личностей: кто-то строчил угрозы, кто-то забрасывал признаниями в любви и предложениями руки и сердца (которые, не дождавшись ответного признания, тоже превращались в угрозы), кто-то просто оскорблял. Её трижды взламывали только за первый год известности группы. Катя в сердцах хотела вообще удалить учётную запись, но Макс отговорил:

— Ну не одни ж там дебилы у тя.

Он, конечно, был прав. Гораздо больше писали благодарностей за концерт, за песни, за альбом, рассказов, как музыка и тексты группы помогали в самых разных делах и ситуациях, идей для новых песен, приглашений на гастроли в свой город. Кое-кому Катя даже отвечала —

⁷ Саундчек (на сленге просто «чек») — настройка звукового оборудования и проверка звука перед выступлением.

⁸ Гроулинг, или гроул (англ. growling — «рычание») — вид экстрим-вокала, разновидность расщепления голоса, по звуку напоминающая рычание. Часто используется в экстремальных жанрах тяжёлой музыки, например дэтcore и дум-метале.

всем, конечно, не успеть. А всё неприятное научилась считывать по первым словам сообщения — и сразу удалять.

На самые первые выступления за пределами Петербурга «Лавина» ездила своим ходом, благо все, кроме Кати, умели водить и у каждого из музыкантов был какой-никакой, но автомобиль. К тому же сложить, например, ударную установку в машину и поехать было гораздо проще и приятней, чем покупать место в багажном вагоне или отдельную полку в обычном. А ещё так музыканты были ни к чему не привязаны и могли уехать когда угодно, не высидивая часами в аэропорту или на вокзале.

Первое приглашение на выезд добыла для группы Катя: связалась с организаторами небольшого фестиваля в Выборге сразу после дебютного сольного концерта в Петербурге и мгновенно получила предложение выступить. Более того: организаторов так впечатлили материал и подача «Лавины», что они предложили музыкантам самое почётное время — последнее. «Лавине» предстояло закрывать фестиваль часовым сетом, причём саундчек обещали провести прямо перед выступлением.

— Ладно хоть не надо тащиться за несколько часов до выхода, — одобрил Ваня. — А то сказали бы: чекаемся в десять утра, как хотите, мотайтесь тут потом весь день.

Если бы Катя с Максом к тому времени вовсе не писали материал для нового альбома, пришлось бы добивать программу каверами, а так песен было достаточно. Кое-что даже уже начали репетировать, да и времени довести материал до приемлемого уровня хватало.

Выступление было запланировано на семь вечера. Обсуждая с музыкантами за неделю до отъезда, во сколько трогаться в путь, Катя спросила:

— Далеко до Выборга? Часа два на машине?

— Я бы минимум три заложил, — ответил Ваня.

— На моём ведре все четыре будет, — буркнул Макс, хотя Катя прекрасно знала, какие скорости он выжимает из своей пожилой «девятки».

— В любом случае, заранее выезжать надо, — резюмировал Дима. — Мало ли чего: ремонт, авария... Дорога есть дорога.

В итоге решили выдвигаться совсем уж заранее — в два часа дня. Катя ехала с Максом, а Дима — с Ваней: все три машины решили не гнать, инструменты вполне помещались в две. Макс даже умудрился каким-то чудом отделаться от своей Лёли, которая всюду рвалась с ним. Катя так и не поняла, что у этих двоих были за отношения: Макс нередко высказывался о подруге жизни резко, даже грубо, но почему-то не уходил. Нередко Катю одолевали подозрения, что Лёля вцепилась в Макса мёртвой хваткой и не отпускает, а иногда она думала: раз друг не уходит, значит, всё его устраивает.

Димина предусмотрительность сыграла группе на руку: сразу за Огоньками встали в мёртвую пробку, в которой толклись по жаре почти два с половиной часа.

— Чё там впереди? — спросил Макс, когда Ваня с Димой подошли к его машине перекинуться словечком.

— Авария, «бутерброд» на семь машин, — ответил Ваня.

— Вечно на этой «Скандинавии» бьются, — проворчал Дима. — Больница в Первомайском, как ни посмотришь, всё битком. Надо было через Зеленогорск ехать.

— В Зеленогорске мы бы ещё дольше телепались, там ямы с Катьку размером, — возразил Ваня.

— С Катьку в высоту или в ширину? — уточнил Макс. — Если в ширину, то не страшно.

— В высоту. И как ни поедешь, обязательно какой-нибудь дебил без подвески всё движение перекроет.

В итоге в Выборг музыканты — помятые, изжаренные под нещадным солнцем, голодные, потому что скудные бутерброды давно съели, — прибыли только без десяти шесть и, едва

отыскав площадку фестиваля, получили в лоб новость: группа, которая должна была выступать перед «Лавиной», то ли заболела в полном составе, то ли что. В общем, отменилась. Поэтому сет «Лавины» расширили на полчаса, а оставшееся время, около сорока минут, организаторы, так и быть, как-нибудь займут публику, чтобы не разбежалась.

— Оп-па, — только и сказал Дима, и обозначить чувства музыкантов точнее было бы сложно. Ваня бросился выкидывать установку из багажника, гитаристы наперегонки рванули к сцене — подключаться и начинать саундчек, а Катя, завесив окна, переодевалась на заднем сиденье Максовой машины. Из огромных динамиков неслось:

— Друзья, мы всегда вкладываем очень много сил в организацию нашего фестиваля, но совсем без накладок было бы скучно, правда? Сейчас у нас образовалась вынужденная пауза, но уже очень скоро на эту сцену выйдет группа, которая покорит вас своим исполнением и замечательными песнями! Ребята приехали из самого Санкт-Петербурга, попали в огромную пробку... — Понимающий гул. — ...так что дайте им немного времени, и они зажгут! А пока поприветствуйте гитариста и басиста группы... — Пауза. — «Ла-а-а-а-авина-а-а-а!»

То, как взревели при этих словах зрители, вселило в Катину сердце робкую надежду, что, может, её и не закидают тухлыми яйцами. Мерзкий голосок внутри, разумеется, всё равно зудел комаром, но Катя сосредоточилась на ближайших своих действиях: застегнуть крючки на корсете, подтянуть сзади ленты, забрать из сумки микрофон, подняться к Макс и Диме на сцену.

— Катюх, — едва увидев её вылезавшей из машины, окликнул Ваня. — Мы чего с сет-листом-то делать будем?

«Ой ё», — только и подумала Катя. В суете она совсем забыла, что им ещё надо заполнить лишних полчаса.

— Придётся играть весь альбом. Он у нас хотя бы отрепетирован. Двенадцать треков — где-то на час хватит. Потом ещё «How dare you»⁹ сыграем, она хорошо получается. Кстати! — воскликнула она. От выражения испуга на Ванином лице Кате стало смешно: такой большой и сильный, а боится, что там взбрело в голову крошечной полутораметровой вокалистке. — Ты как насчёт барабанного соло?

— Могу попробовать, — протянул Ваня, хотя мысль ему явно понравилась. — Я, правда, специально не репетировал...

— Ничего-ничего, — перебила Катя и похлопала его по плечу. — Если что, сообразишь по ходу дела. В тебе я уверена, в отличие от этих двоих. — Она кивнула в сторону сцены, где Дима как раз истязал свой многострадальный инструмент.

Ваня сдержанно кивнул, взвалил на плечи чехлы с барабанами и потрусил за кулисы. Катя — за ним.

...При том, насколько скомканным и бестолковым вышел саундчек и как поздно группа узнала о лишнем получасе выступления, отыграла «Лавина» прекрасно. Нет, разумеется, Дима наврал в трёх местах, Ваня очень невовремя сломал палочку, Макс начал играть к «More than that»¹⁰ вступление от новой «How dare you» и спохватился только к шестому такту, а Катя споткнулась о какой-то провод и чуть не свалилась прямо посреди второго куплета «Берега», но выступление удалось. Группа получала удовольствие от исполнения, поэтому не меньшее удовольствие получала и публика — даже те из зрителей, кто до того вечера не знал о «Лавине», песне к третьей-четвёртой уже аплодировали и пританцовывали, а к концу веселились вовсю. Катя видела со сцены, что под «Берег» не одна и не две пары кружились в танце, а под последнюю песню, «How dare you», длинноволосые парни трясли шевелюрой.

⁹ «Как ты смеешь» (англ.).

¹⁰ «Более того» (англ.).

«Лавину» дважды вызывали на бис, и Катя, коротко переговорив с музыкантами, решила повторить сначала «Берег», а потом «No tomorrow»¹¹, у которой, несмотря на мрачное название, была очень подходящая для прыжков и плясок мелодия. Все четверо музыкантов проплетали насквозь, у Вани, по его словам, даже трусы были хоть выжимай. А когда группа наконец спустилась со сцены, её ждало небывалое число народу, желающего получить автограф, сфотографироваться или просто сказать, что выступление очень понравилось. Каждого обняли столько раз, что музыканты сбились со счёта.

Наконец поток желающих пообщаться иссяк.

— Эх, искупаться бы, — протянул Дима, дойдя наконец до машины.

— Так поехали, — мгновенно ответил Макс. — Тут же залив — рукой подать.

Домой его, видно, не тянуло. Катя, которая как раз хотела только сесть в машину и поскорее поехать в город, промолчала, а остальные радостно загалдели, предчувствуя заплыв в освежающей балтийской воде. Покружив немного по узким улочкам, две машины выехали к пляжу, и парни вволю накупались, брызгаясь и плавая наперегонки с подростковым задором.

— Катюх, иди окунись, жарко же, — сказал Дима. — Ты, наверно, такая же липкая вся, как мы.

— Мы не липкие уже, — возразил Макс. Он без малейшего стеснения вылез в застиранных труселях на песок и теперь выжимал воду из волос, которые за четыре года после армии отросли у него до талии. Катя изо всех сил пыталась не разглядывать музыкантов ниже пояса, что было сложно, потому что мокрое бельё ничего не скрывало — скорее подчёркивало, — а интерес к мужчинам и их анатомии становился у Кати всё острее с каждым прожитым в девушках днём. «Эх, чёрные очки надо было взять», — только и подумала она. Тем более что посмотреть у парней и выше пояса было на что, только она стеснялась.

— Подглядывать не будем, — добавил Ваня. — Можем вообще куда-нибудь за пивом пока сходить.

— Ага, а я одна тут заплывать буду, да? Здорово ты придумал, — фыркнула Катя. Ей и самой хотелось искупаться — смыть противную плёнку с кожи, освежиться и прийти в себя после шума и восторгов выступления, но раздеваться при этих троих она ну никак не собиралась.

— Ну давай тогда двое за пивом пойдут, а один останется тя сторожить, — на удивление разумно предложил Макс. — Выбери, кого меньше всех боишься, да и всё.

Дима вздохнул, будто уже знал, кого назовёт Катя. Вряд ли кто-то из троих музыкантов догадывался, какие мысли пролетели в голове их вокалистки, прежде чем она и в самом деле назвала Диму, — возможно, знай они об этом, Макс или Ваня повели бы себя совсем по-другому.

Но, на Катино счастье или несчастье, телепатией коллеги по сцене не владели, так что её тягостной невинности в тот вечер ничто не угрожало. Макс с Ваней пошли искать пивной ларёк, а Дима немножко поворчал и уселся на песок спиной к воде. Пляж, как ни удивительно для вечера такого жаркого дня, был пустынным — возможно, из-за чернейшей тучи, маячившей на горизонте и с каждой секундой подползавшей всё ближе. Катя только сейчас поняла, что так и уехала с фестиваля в концертном корсете и чёрных джинсах в обтяжку, — и с удовольствием всё это с себя стащила. Ладно хоть переобуть туфли на шпильке не забыла, а то ковыляла бы тут по пляжу, звезда. Оставшись в одних трусах, Катя огляделась и пошла купаться.

Вода, как обычно в Балтике, была ледяная, и Катя тут же окоченела, но всё-таки окунулась с головой. Вынырнула, поплескалась на себя водой, побежала к берегу и только тогда осознала, что бросила потную одежду прямо на песке, а ту, в которой приехала, из машины не взяла. Правда, сменная одежда была ненамного лучше, но всё-таки должна была подсохнуть

¹¹ «Без будущего» (англ.).

в прогретом за день салоне. Катя помялась, потом, прикрыв грудь руками, подошла к басисту со спины и робко окликнула:

— Ди-им?

— Чего тебе? — проворчал он, не поворачиваясь.

— Я вещи у Макса из машины не взяла. Принесёшь? Пожалуйста.

Он вздохнул со звуком, достойным пробитого аэростата, неуклюже поднялся на длинные и худые, как у жеребёнка, ноги и потопал к Максовой «девятке». Хорошо хоть машина была не заперта.

— Где?.. — крикнул Дима, по-прежнему не глядя на Катю.

— На заднем сиденье, под синим пакетом.

Он аккуратно вытащил и повесил себе на руку старую летнюю юбку, в которой Катя ещё с Максом в деревню ездила, мешковатую чёрную футболку и, наконец, кружевной лифчик с изрядным слоем поролона. Катя покраснела и ещё раз порадовалась, что с ней остался именно давно и глубоко женатый Дима. Не то чтобы она питала иллюзии насчёт Макса с Ваней — понятное дело, девственниками они не были и точно знали, что девушки носят под одеждой, — но почему-то сверкнуть бельём перед Димой было не так стыдно. Он, не поднимая на Катю глаз, положил её вещи на песок и деликатно отвернулся. Едва она оделась, появились Макс с Ваней.

— Как вы пить собрались, вы же за рулём? — спросила их Катя, одёргивая футболку.

— А кто тебе сказал, что мы сейчас пить будем? — резонно возразил Ваня и закинул баклажку пива на заднее сиденье. — До дома доберёмся — там и выпьем. Мы ж не дурачки.

Макс так энергично закивал, что Катя на секунду подумала, уж не выпил ли он, вопреки Ваниным словам, но тут же устыдилась: за чем — за чем, а за вождением в пьяном виде Макс никогда замечен не был.

— Ладно, поехали, что ли, — сказал Дима. — Поздно уже, а нам пилить часа три.

Пробка на трассе, к счастью, давно рассосалась, но музыканты всё равно вернулись в Петербург только глубокой ночью. Макс подвёз Катю к парадной и растолкал, потому что она полдороги продремала, а на подъезде к городу заснула крепко.

— Приехали, спящая красавица, — буркнул он, хотя Катя даже спросонья видела, что он доволен собой, поездкой и выступлением.

— Что ж поцелуем не разбудил? — поддела она. Макс закатил глаза.

Катя поднялась в квартиру, со всеми предосторожностями прокралась к себе и рухнула как подкошенная. И снилось ей, что «Лавина» выступает на Вакене¹².

Второй альбом «Лавины» вышел через полтора года от первого. Обожание поклонников только усилилось: группа придерживалась выбранного стиля, но заметно выросла технически и артистически, так что все ожидания слушателей с лихвой оправдались. Проехали с гастроями по европейской части России, закончили грандиозным концертом в петербургском «А2». И к последнему выступлению тура Кате уже выть хотелось от одиночества и неприкаянности.

У Димы подрастал сынок, а жена, хоть и ворчала, каждый вечер звонила и спрашивала, как идут гастролы. За Максом всюду хвостом ходила и ездила его Лёля. Ваня радушно приглашал к себе в номер почти всех желающих фанаток. А Катя маялась одна.

После петербургского концерта в кои-то веки вчетвером завалились в бар — отвязались даже от докучливой Лёли, а с командой уговорились выпить как-нибудь в другой раз. Альбом продавался прекрасно, гастролы удались на славу, расписание на осень и зиму было плотное — поводов для празднования хватало.

¹² Имеется в виду Wacken Open Air — крупный фестиваль метала, проходящий ежегодно неподалёку от городка Вакен в Германии.

Макс и Дима сидели на одной стороне стола, Катя с Ваней — на другой. Пили немерено. Катя поначалу сопротивлялась, но потом и её невероятный самоконтроль не выдержал, хоть она и понимала, что встанет с жутким похмельем. Но если музыканты веселились и строили планы на будущее, то Катя оплакивала свою беспросветную жизнь.

Достаточно сказать, что в свои двадцать четыре она всё ещё была девственницей. Ни один несчастный так и не позарился на залежавшееся её сокровище. Ладно отношения — можно было хоть как-то смириться, что их нет, но секс? Когда из всех утюгов вещают, что только о нём все и думают, только он всем и нужен, быть нежеланной — настоящая трагедия. Насколько же, думала Катя, она отвратительна, раз никто, даже какой-нибудь завалящий провинциальный бабник, ею не соблазнился?

— Ты чего?

Катя вздрогнула: Ваня шепнул свой вопрос прямо ей в ухо. По спине поползли мурашки.

— Пойдём подышим?

— Пойдём, — тут же согласился он.

Они вышли из бара, завернули за угол и остановились, думая каждый о чём-то своём.

— Тебе не холодно? — спросил Ваня. Он оказался намного трезвее, чем можно было подумать, глядя, как он поглощает спиртное. Вечер был коварный: тёплый, но с порывами ледяного ветра.

— Я тебе не нравлюсь? Как женщина? — выпалила Катя. Ваня нахмурился, будто она сказала что-то неприятное, потом чуть наклонил голову к плечу и посмотрел на Катю. От его молчания она даже дышать перестала. А через минуту Ваня шагнул к ней, обхватил Катину голову и поцеловал — так уверенно и привычно, словно не в первый раз, а в сто первый. Вскоре Катя с удивлением почувствовала его язык у себя во рту, а когда Ваня прижался к ней — и кое-что другое.

— Ответил на твой вопрос? — хрипло пробормотал он, когда их губы разъединились.

— Можно и так сказать.

Они целовались на улице у бара, потом, после суматошного и невнятного прощания с гитаристами, — в такси, у подъезда, в подъезде и в лифте. Памятуя о реакции Дмитрия Ивановича, Катя ещё по дороге шепнула Ване о своей деликатной особенности.

— Значит, мне очень повезло, — только и сказал он.

Когда всё кончилось, Катя могла бы сказать то же о себе — ей тоже очень повезло. Опытный Ваня всё сделал как надо: деликатно, в нужные моменты решительно, а главное — без шуточек и комментариев на тему того, почему это Катя в свои двадцать четыре до сих пор не познала плотских радостей. И даже напоминать ему о предохранении не пришлось — это было большое облегчение: Катя сомневалась, что смогла бы попросить Ваню воспользоваться презервативами, если бы он не сделал этого сам.

Она ни о чём не жалела. Конечно, в идеале её первая ночь должна была случиться с любимым человеком, но сколько, в самом деле, можно его ждать? Где он, скажите на милость, бродит? Потерялся, что ли? Ну, значит, сам дурак.

Утро тоже прошло спокойно и без всякой драмы: Катя и Ваня проснулись почти одновременно, он поставил чайник, выдал Кате свой банный халат, огромный, как плащ-палатка, а сам надел домашние клетчатые брюки и футболку. Сели завтракать. Не считая Катиного одеяния, выглядело всё так, словно она просто зашла на чай, а не провела в Ваниных объятиях жаркую ночь, отголоски которой ещё бродили по всему телу болью и истомой.

— Давай сразу проясним, — сказал Ваня, намазывая ломтик булочки сливочным маслом. — Мы с тобой не в отношениях. Я не твой парень, ты не моя девушка.

Катя кивнула. Иллюзий насчёт того, что Ваня упадёт на одно колено и достанет из кармана кольцо с двухкаратным бриллиантом, она не испытывала, хотя если бы он сейчас попросил её с ним встаться, ей бы это, конечно, польстило.

— Я просто... ну, помог тебе немного, — продолжал он, выкладывая на масло щедрую порцию варенья. — Если захочешь, можем повторить как-нибудь. Но это не значит, что мы встречаемся или типа того.

— Я поняла уже.

Не надо было ему говорить это дважды. Катя и с первого раза усвоила, что на отношения с ним рассчитывать нечего. К тому же от вчерашнего спиртного у неё страшно болела голова, что настроения не улучшало.

— Ну не купись ты. — Ваня отложил свой чудовищный бутерброд, передвинулся вместе со стулом к Кате и обнял. — Ты красивая, замечательная, ты мне нравишься, просто я сейчас никого на постоянку не ищу, понимаешь?

— Зачем искать, когда к тебе и так очередь не иссякает, — не сдержалась Катя. Ваня не обиделся:

— Что ж я, отказываться буду, если девчонки все как на подбор? Я не женат, девушки у меня нет — никому отчитываться не обязан. И верность хранить — тоже. Если б я от жены гулял, тогда другое дело.

Разговор как-то сам собой заглох, Ваня отодвинулся обратно. Молчание не беспокоило. Катя потягивала чай; есть не хотелось, даже немножко мутило — наверное, от недосыпа и похмелья.

А может, от того, что дыра в груди была на месте. Даже близость не помогла.

Катя поднялась и пошла в комнату, аккуратно сложила Ванин халат на стуле, отыскала свою одежду, раскиданную накануне по всем углам. Ваня пришёл за ней, встал в дверях и какое-то время молча смотрел, как она одевается. Это было неприятно.

— Подбросить тебя?

Может, если бы не его отповедь, она бы и согласилась.

— Нет, спасибо. Где тут ближайшее метро?

— До метро далеко, — он покачал головой. — На транспорте ехать надо.

— На каком?

— Да давай я отвезу. На машине за пять минут доедем, а автобус ты до завтра прождёшь.

Они тут редко ходят.

Катя нехотя согласилась. Ей нужно было остаться одной, и как можно скорее. Этот мужчина, с которым она уже почти три года выступала на одной сцене и которому отдала девственность, показался вдруг бесконечно далёким, словно какая-нибудь чужая галактика. Да он и был для неё чужой галактикой. Что она узнала о нём за эти годы и за эту ночь? Ничего.

Ваня не торопясь оделся, взял ключи от машины. Внизу галантно открыл для Кати пассажирскую дверцу.

— Тебе за руль-то можно? — спохватилась Катя. — После вчерашнего?

— Было бы нельзя — не предлагал бы подвезти. Что ж я, совсем дурак?

В отличие от Максовых, Ванины движения за рулём были плавными, выверенными. Он не дёргал свою наполированную «Рио», не бросал педали, не матерился на других водителей и пешеходов. В таком уверенном, спокойном вождении было что-то очень соблазнительное, но Катя отвернулась и смотрела в своё окошко. Никогда ещё она не чувствовала себя настолько оторванной от других человеческих существ. Наверное, даже космонавтам на Луне так одиноко не бывало.

— Ну вот.

Ванин голос вырвал Катю из липкой грязи мыслей. Она встряхнула головой и огляделась.

— Тебе вон туда. «Пионерская» отсюда по диагонали, видишь? Два раза дорогу перейти.

— Да я отсюда и на троллейбусе доеду, — сообразила Катя. — Даже быстрее выйдет.

— Точно не хочешь, чтоб я отвёз?

— Точно.

Катя выскочила из машины, чтобы Ваня не успел спросить ещё о чём-нибудь.

Троллейбус едва не ушёл у неё из-под носа, но Катя успела добежать. Водитель, видимо, её заметил, поскольку закрыл двери сразу после того, как она заскочила в салон. Катя крикнула в сторону кабины «Спасибо!», приложила карточку и рухнула было на заднее сиденье, но быстро пересела: слишком уж ярко это место напомнило ей о дурацком поцелуе десятилетней давности. Если в профессиональном плане она за эти десять лет добилась колоссальных успехов, то в личном похвастаться было нечем. Ладно хоть с невинностью наконец рассталась. Не то чтобы ей, по выражению Катиной сокурсницы Леры, сидеть мешало, но Катя считала секс важной частью жизни и, не будучи до нынешней ночи с ним знакома, полагала, что что-то упускает. Наверняка новый опыт ей пригодится, хотя бы в лирике, что ли.

На первую после короткого отпуска репетицию «Лавины» Катя шла не без опасений: она понятия не имела, как теперь вести себя с Ваней, чтобы не выдать их маленький секрет. Судя по разговору с Максом пару дней назад (он позвонил сам, видимо, пока Лёля не слышала), оба гитариста искренне поверили в версию, предложенную Ваней: что Катя засобиралась домой, а он поехал провожать, поздно же было. Только и всего. Изрядная доля правды, кстати, в этом утверждении была — может, потому оно и оказалось таким правдоподобным. Ну, и ещё выпитый тем вечером алкоголь наверняка помог. Макс даже посетовал, что целый день потом расолом отпивался.

Репетиция прошла идеально. Ваня как ни в чём не бывало сидел за установкой, в обычной своей манере подшучивал над товарищами по группе и ни единым взглядом или словом не дал никому понять, что между ним и Катей что-то было. Да никто ничего и не заподозрил. Ободрённая Ваниным спокойствием и уверенностью, Катя тоже вела себя непринуждённо, а к концу прогона и сама почти поверила, что ничего особенного между ней и барабанщиком не произошло. Правда, когда Ваня точно с тем же безразличием собрался и ушёл, даже не подумав предложить Кате проводить её — а время было позднее, группа собралась только в восемь, а закончила и вовсе в одиннадцать, — дыра в груди победно расхохоталась и увеличилась.

Глава третья. Светлана Николаевна

Жить с пустотой в груди было непросто, но Катя давно привыкла. Иногда ей даже казалось, что никакой пустоты и не существует, что всё у неё как у всех.

А иногда она рыдала взахлёб — так, что насквозь промокала толстая перьевая подушка. И тогда Катя думала, что никого-то у неё нет. Даже какого-нибудь надоедалы вроде Максовой Лёли, даже кого-то наподобие издёрганной и ворчливой Диминой жены Светы, у которой круги под глазами напоминали чёрные дыры. Или хотя бы череды одноразовых приключений, как у Вани.

Казалось бы, для таких вот одиноких и неприкаянных изобрели соцсети, но Кате от этого эрзаца общения становилось только хуже. Однажды, когда было особенно паршиво, она вдруг с какой-то мазохистской решимостью открыла те сообщения, которые давным-давно привыкла удалять не читая.

«Ненавижу тебя сучька...»

«Выскачка, бездарь, только и можешь, что орать!»

«Уродина! Ты в зеркало вообще себя видела?! Посмотришь в следующий раз, прежде чем штаны в обтяжку надевать!»

«У тебя ни тексты а бредятина какая то!»

И это ещё были самые вежливые пассажи.

Катя всё читала и читала эту дрянь; ощущение было такое, что она морально полосует себя плетью. А дыра в груди ликовала: вот, смотри! Не может такое количество народу ошибаться! Ты фальшивка, пустышка, возомнила о себе невесть что, а эти ребята тебя раскусили!

Правда, часа полтора спустя Катя опомнилась, удалила все сообщения разом — и прочитанные, и непрочитанные, — выплакалась и пообещала себе больше никогда не читать такое, но зёрна сомнения упали на благодатную почву. Чтобы отвлечься, поставила новый альбом «Эпидемии», но не слышала ни единой ноты. Достичь хоть какого-то душевного равновесия удалось только недели через полторы.

Одна была радость: Катя наконец накопила на первый взнос по ипотеке и съехала от мамы. Квартирка была небольшая, тридцать метров, в хрущёвке, и выглядела как после бомбёжки, но ведь своя, Катина!

Когда Катя туда въехала, в квартире не было ничего, кроме новой входной двери и унитаза. Дима и Ваня помогли перевезти вещи — Макса, разумеется, не пустила Лёля.

— Ты как тут жить-то будешь? — оглядевшись, спросил Дима.

— Как-как, — огрызнулась Катя. — Долго и счастливо.

Дима вздохнул, переглянулся с Ваней и пошёл звонить жене. За три недели — выступлений как раз не было, а репетировали вечерами — эти двое с небольшой Катинной помощью, а скорее вопреки ей, привели квартиру в порядок. Сначала ободрали обои и старую плитку, потом с руганью и охами выволокли старую чугунную ванну. Димин одноклассник выровнял полы; Ваня позвонил знакомому электрику, который за три дня переделал проводку. Дима, кряхтя и причитая, положил кафель в ванной и в туалете, да так, что любо-дорого было посмотреть. Линолеум стелили и обои клеили все вместе — даже Макс умудрился вырваться из-под недреманного Лёлиного ока и помочь в последние четыре дня.

Когда ремонт был закончен и Катя собрала группу у себя на свежееклеенной кухне, дыра в груди запаниковала. Как это так: Катя ведь никому не нужна — почему же она сидит здесь плечом к плечу с тремя мужчинами, которые почти полностью отремонтировали ей квартиру, да ещё бесплатно, просто потому что Катя их коллега по группе? Почему Катя, смущаясь,

поставила на стол блюдо с неловкими плюшками — та самая Катя, которая в жизни ничего не пекла и даже слово «противень» впервые услышала накануне вечером в видеорецепте?

Чаепитие получилось душевное. За пару часов Катя узнала о своих музыкантах больше, чем за прошедшие три года. Даже у Макса нашлось чем её удивить: оказывается, к ним с Лёлей недавно переехала жить Лёлина сестра Ксения, что, конечно, Макса вовсе не обрадовало.

— У них у всех такие имена странные? — поинтересовался Ваня. — Чудная семейка. А мать как зовут, Туся? Или Маняша какая-нибудь?

Судя по тому, как закатил глаза Макс, Ваня попал в точку.

У Димы ожидался второй ребёнок, причём уже вот-вот — буквально через пару недель.

— А ты тут у меня в квартире убивался! — Катя всплеснула бы руками, если бы этот жест был в её духе.

— Дома готово уже всё, — пожал плечами он. — Супруга, наоборот, говорит: иди, мол, сходи куда-нибудь, надоел тут отсвечивать.

— И кто у вас будет?

— Опять мальчик.

— А ты девочку хотел? — удивилась Катя. Ей казалось, что мужчины всегда хотят сыновей, да побольше — может, даже что-то вроде семейной футбольной команды.

— Ага...

Дима вздохнул и объяснять ничего не стал.

А Ваня, оказывается, уже больше года опекал младшую сестру Лизу. У них была одна мать, но разные отцы, а ещё — тринадцатилетняя разница в возрасте. Оба папаши исчезли в неизвестном направлении: Ванин — когда мальчик только-только родился, а Лизин — едва девочке исполнилось два годика. Мать после этого начала пить: сначала по чуть-чуть, потом всё больше и больше — и за десять лет прошла печальный путь от лишнего бокала по праздникам до беспорядочного запойного алкоголизма.

— А прошлой весной, — рассказывал Ваня так спокойно, будто его это вовсе и не касалось, — Лизка из школы приходит, а в квартире дверь нараспашку. Мать на кухне лежит, вся в кровище. Лизка, понятно, орать. Прибежала бабка-соседка, всё это увидела, кого надо вызвала, сестру к себе на кухню увела чаем поить. Еле от неё добилась, кому из родственников звонить, в итоге мой номер взяла. Я, само собой, сразу к ним — гастролей как раз не было у нас. Даже удивительно: столько концертов играли, а тут как по заказу — ничего. Ну вот, поехал, значит, к сеструхе. Мать ещё до приезда скорой померла. Расследовать никто ничего не стал: напилась баба, об стол башкой бахнулась, чего тут думать.

Он взял чашку и отпил остывшего чая, словно не о смерти матери рассказывал, а о погоде, что ли. Правда, лицо у него было каменное.

— Лизку в детдом хотели — ей четырнадцати ещё даже не было, — а я сказал: рехнулись, что ли, у неё брат взрослый есть, какой детдом? Меня давай проверять: какое жильё, какой доход, судимости там всякие, не судимости... Всё перетрясли.

Катя встала, подогрела чайник и добавила ему кипятка и заварки в чашку. Было стыдно: сколько же всего она не знала о своих музыкантах! А ведь они вчетвером полстраны уже объехали. И хоть бы раз Кате пришло в голову расспросить ребят, как у них дела, что нового, — нет, только требовала всё время: репетируйте больше, играйте чище, с поклонниками общайтесь. Да они, может, это всё и обсуждали при ней, да только она не слушала. И несмотря на это, все трое пришли Кате на помощь, когда она переехала в пустую и разгромленную квартиру, а Дима с Ваней и вовсе почти весь ремонт ей своими руками сделали.

Потом появилась другая мысль: где была Ванина сестра, когда он привёз Катю к себе на ночь? Не мог же он выгнать куда-то пятнадцатилетнюю девочку, чтобы не мешала? Очень хотелось спросить, но не при Максе с Димой, конечно.

Чай скоро допили; Макс с явной неохотой засобирался домой, за ним поднялся со своей табуретки Дима. Катя обняла и расцеловала обоих на прощание. Дима сложился вдвое, чтобы обнять крошечную Катю в ответ, а Макс даже покраснел и всё бурчал:

— Ну ладно, ладно те...

Когда Катя вернулась в кухню, Ваня машинально крутил чай в кружке; остекленевший взгляд прилип к завитушкам на обоях. Катя тихонько села рядом, чтобы не вспугнуть его мыслей, но барабанщик качнул головой и сказал:

— Пора и мне уходить. Ты, наверное, хочешь наконец одна остаться.

— Ничего подобного.

Он с изумлением посмотрел на чай у себя в кружке, словно не пил его уже четвёртый час, потом поднял глаза на Катю:

— Не надоел я тебе за три недели?

— Нет. Оставайся, если хочешь.

— Естественно, хочу.

Наутро Катя спросила у него:

— Как же ты оставляешь Лизу одну?

— Она умница у меня. Я за неё спокоен.

— А где... — начала было Катя, но смутилась.

— Где она была, когда ты у меня ночевала? В материнной квартире. Мы её в порядок привели, Лизка частенько там ночует, иногда несколько суток подряд.

— И не боится же, — повела плечами Катя. Она не любила мать, но вряд ли смогла бы спокойно спать в квартире, если бы та там умерла. Хотя кто знает, проверить пока не пришлось — к счастью. Пусть мамуля живёт и здравствует, только к Кате не лезет.

— А чего бояться? Привидений, что ли? Бояться живых надо. — Ваня зевнул, и последнее слово получилось смазанным.

— Ну не знаю. Жутковато как-то — человек умер всё-таки...

— Вот и Лизка говорит, что жутковато, но всё равно как будто тянет её туда. Странные вы, девчонки. — Он пожал плечами и сел на разложенном диване. — А ничего мы с парнями диванчик тебе выбрали? Я как знал...

Ваня подмигнул и принялся одеваться. Катя сделала вид, что застеснялась.

Работа шла своим чередом: репетиции, выступления — по большей части на фестивалях, — написание новых песен, интервью. Катя в кои-то веки с удовольствием возвращалась домой — иногда с Ваней, чаще одна. С тех пор как она узнала о трудностях своих музыкантов, она смотрела на них совсем другими глазами, особенно на Ваню, на которого свалилась забота о сестре-подростке. Сам он, правда, не считал, что на него что-то свалилось:

— Лизка чудо, и без меня бы прекрасно прожила. Я для проформы только, чтоб опека её в детдом не засунула.

Дыра в груди оправилась от потрясения, вызванного чаепитием на Катиной кухне, и издевательски разрослась, захватив, кажется, даже верх живота. Катя почти не обращала внимания. Иногда только, особенно почему-то под утро, в объятиях спящего Вани, она беззвучно плакала от собственной ненужности. Правда, однажды это получилось у неё, видимо, не так беззвучно, как обычно, потому что Ваня проснулся и спросил:

— Ты чего ревёшь?

Из нескольких обрывочных, между всхлипами, Катиных слов он умудрился понять смысл страданий и сказал:

— Да найдёшь ты себе парня, чего ты паришься-то. Ты вон какая умница и красавица.

— Что-то до тебя не было желающих даже в постель со мной лечь. — Катя шмыгнула носом. Ей было стыдно, что Ваня увидел её расклеившейся и слабой. Такой она никому раньше не показывалась.

— Ну и дураки. Всё у тебя будет — в своё время.

Легко ему говорить, подумала Катя: у него-то небось нет такой дырищи во всю грудь, а даже если и есть, так он её анестезирует бесконечными связями на одну ночь и заботами о сестре.

Ваня вздохнул, прижал Катю к себе, поцеловал в волосы и уснул. Катя всхлипнула ещё пару раз, повозилась и задремала.

В начале сентября «Лавину» пригласили выступить на празднике для первокурсников крупного петербургского вуза. Катя не знала, что и думать: с одной стороны, это была честь и признание, потому что бюджетные организации кого попало к себе выступать не приглашают, а согласовать метал-группу, должно быть, стоило больших усилий. С другой, позвали едва не в последний момент — Катя подозревала, что на замену кому-то. К тому же мероприятие было уличное, а начало осени выдалось жутко холодное, с дождями и ледяным ветром, больше похожее на какой-нибудь ноябрь. После долгих совещаний и споров выступить всё-таки согласились.

Разумеется, в назначенное время никто на сцену не вышел. Сет «Лавины» начался с почти часовым опозданием, и группа изрядно намёрзлась за кулисами, прежде чем наконец появиться перед публикой. Концерт был на площади Сахарова, и с Невы непрерывно задувало. К пятой песне Катя не чувствовала правую сторону лица, как раз и обращённую к набережной. И догадался же кто-то поставить сцену прямо в створе Менделеевской линии, да ещё ничем не огородить по бокам!

Выступление, несмотря на холод, было огненное: очевидно, среди новоиспечённых студентов фанатов «Лавины» хватало, — и Катя забыла бы обо всех неприятностях, если бы на следующий же день у неё не подскочила температура. Помимо тридцати восьми с половиной на градуснике, у неё будто кирпичом заложило нос и начало хлюпать в правом ухе. Звук был мерзкий, словно где-то там, за барабанной перепонкой, постоянно слипались и разлипались мокрые полиэтиленовые пакеты. Хуже того, хлюпанье усиливалось, стоило Кате открыть рот или проглотить слюну, и искажало восприятие: все звуки, даже собственный голос, казались то выше, то ниже, чем были на самом деле.

Катя принялась активно лечиться, но простуда прошла не раньше положенной недели. Только и было радости, что выступлений до конца месяца у группы не планировалось и потому Катя могла спокойно отлежаться и прийти в себя. Вот только ухо так и хлюпало, даже когда насморк, температура и боль в горле давно прошли.

Исчерпав все средства, на какие хватило фантазии, Катя сдалась и записалась на приём в ЛОР НИИ — повезло, что были номерки на ближайшее время. Худощавая доктор средних лет Светлана Николаевна, то и дело сморкаясь в сложенные куски марли (она брала их с металлического столика, где лежали пыточного вида инструменты), осмотрела пациентку и спросила:

— Насморк в последнее время не было?

— Был. Несколько дней как прошёл.

Доктор кивнула, снова высморкалась — вот ведь сапожник без сапог-то! — и сказала:

— Тубоотит у вас. Воспаление слуховой трубы.

— Это из-за простуды?

— Да. В носоглотке слизистая отекает, устье слуховой трубы пережало, оттока из среднего уха — никакого. Там скопилась жидкость, вот и хлюпает.

— И что делать?

Лор отогнула дырявое зеркало с глаза, подъехала на стуле к столу и начала писать на сером листке бумаги, попутно объясняя:

— Капли два раза в день — капаем и поворачиваем голову набок, чтоб капля попала на устье трубы... Борный спирт тёплый... вибромассаж... продувание...

— А если не поможет? — пискнула Катя. Всё это ей жутко не нравилось, особенно потому, что до череды концертов оставалось всего две недели, а петь чисто с таким ухом было невозможно.

— Если не поможет, придёте ещё раз, будем прокол делать.

А вот это не понравилось Кате совсем. После того как в пять лет ей выдрали молочный зуб без анестезии, она панически боялась врачей и любых медицинских манипуляций. Пока удавалось обходиться без операций, и ничего серьёзнее лечения у стоматолога (не садиста, с обезболиванием) терпеть не приходилось, хотя даже пережить укол анестетика и не запаниковать стоило Кате невероятных усилий. Да к тому же, если придётся что-то там оперировать в ухе, она долго не сможет репетировать и тем более выступать. Словом, оставалось надеяться, что назначенное лечение поможет.

Тем вечером к ней приехал Ваня. В последние пару месяцев они регулярно ночевали вместе, Кате даже стало казаться, что Ваня как-то к ней привязался, что ли. Не настолько, очевидно, чтобы всё-таки предложить встречаться, но сильнее, чем к бесконечной череде девочек-однодневок. Точнее, одноночек.

— Ты чего сегодня? — спросил он, после того как Катя невпопад ответила на четвёртый его вопрос. Она помялась, но потом выложила все свои страхи насчёт отита и завершила излияния вопросом:

— А если я петь не смогу?

— Отменим концерты. Что ж теперь, убиваться, что ли, — спокойно сказал Ваня, намазывая бутерброд творожным сыром. Он вообще, как заметила Катя, любил что-нибудь мазать на хлеб.

— Да ты что! А неустойки?

— Выплатим, если будут.

— Но...

— Катя. — Он отложил хлеб и нож. — Совсем не обязательно жертвовать здоровьем, чтобы тебя любили. И вообще ничем для этого жертвовать не надо.

Она хотела было возразить, но вдруг поняла, что Ваня не зря ей это говорит.

— Вот именно, — кивнул Ваня и возобновил намазывание. Всё это выглядело как нормальный семейный ужин — по-хорошему нормальный, как у обычных людей, а не коллег, которые время от времени спят вместе и делают вид, что ничего особенного между ними не происходит. Катя вдруг представила себе: это её муж, они отработали в каких-нибудь своих офисах и сидят вот, обсуждают прошедший скучный день, а за стенкой ребёнок спит, которому завтра в садик. Но что-то в этой благостной картине было не так, будто она отражалась в зеркале с еле заметной трещиной.

К большому счастью и облегчению, капли, вибромассаж и прочие меры помогли, и к первому концерту Катя выздоровела и успела подготовиться со всей тщательностью. Радость её была так велика, что она предпочла забыть предупреждение врача о том, что тубоотит может возвращаться при следующих простудах.

Глава четвёртая. Миша

2015-й стал для «Лавины» во всех смыслах триумфальным. Приглашения выступить сыпались как из рога изобилия — и, что важно, процент заявок вроде «пожалуйста, поиграйте на открытии нашего нового клуба на пять человек, бесплатно» упал ниже порога обнаружения, а предложений составить компанию мэтрам уровня «Эпидемии» становилось всё больше. Катю то и дело звали записать или спеть дуэт с тем или иным вокалистом, Ваню заполучили себе в качестве сессионника¹³ на запись альбома «Чёрные копатели», чья популярность росла как на дрожжах, а Макс преподавал гитару в престижной частной музыкальной школе. Последнее, к слову, Катю изумляло: она никак не могла представить себе, что её несдержанный, упёртый, с взрывным характером друг сможет хоть кого-то чему-то научить, но, судя по отзывам и полной записи, педагог из Макса был хороший.

Летом снова проехали по фестивалям, выпустили — пусть нехотя и после долгих уговоров со стороны фанатов — большую серию мерча¹⁴. Омрачали все эти успехи разве что два обострения Катиного тубоотита, о котором она надеялась забыть ещё в 2014-м, но не вышло. Впрочем, теперь она уже знала, что с этим делать, и при первых признаках болезни доставала нужные лекарства и шерстяной платок, которым обвязывала голову. А вот весенняя простуда застала её врасплох.

Катя понимала, что рано или поздно заболеет на гастролях, это был вопрос времени. Удивительно только, что она целых четыре года продержалась, ни разу не выступив больной. И вот на подъезде к Красноярску почувствовала: начинается. В горле скреблись мышцы, нос заложило, голову обхватили обручи боли, а кожа по всему телу казалась слишком чувствительной, как будто на солнце обгорела. Катя хотела было пройти к титану за водой, развести себе болтушку от простуды, но не смогла даже сесть на полке, не говоря уж о том, чтобы спуститься с неё.

— Ты чё там возишься? — спросил Макс, перебив сам себя на полуслове и не донеся свою десятку до семёрки Димы, которую собирался бить. От его полусердитого, полувопросительного взгляда снизу вверх Кате стало смешно, но смеяться не хотелось — и так всё ныло, а суставы выворачивало.

— Кажется, заболела, — просипела она в ответ таким голосом, что все вопросы отпали, а слово «кажется» стало очевидно лишним.

— Хреново, — нахмурился Макс. — Петь-то как будешь?

Катя пожала плечами. Её и саму волновал этот вопрос. Макс отбросил карты, взял Катину кружку и куда-то с ней пошёл. Вернулся:

— У тебя бодяга какая-нить от простуды есть или на остановке пойти купить?

От такой трогательной заботы Катя чуть не прослезилась. Она ногой указала Максиму на небольшой чемодан, лежавший на полке над дверью:

— Сразу как откроешь, слева косметичка зелёная...

— Не хватало ещё тут рыться в трусах в твоих, — пробурчал Макс, но снял чемодан на нижнюю полку и быстро нашёл требуемое.

От болтушки стало легче, но не сильно. Катя закапала в нос сосудосуживающее и легла подремать, рассудив, что сон — лучшее лекарство.

¹³ Сессионник (сессионный музыкант) — исполнитель, которого нанимают временно, например для записи альбома или живых выступлений, но не включают в постоянный состав коллектива.

¹⁴ В данном случае под мерчем имеются в виду изделия с символикой группы (открытки, сумки и т. п.).

Впрочем, на этот раз безотказное средство подвело: когда Макс растолкал Катю пару часов спустя, она чувствовала себя ещё хуже. Голос, правда, вроде пока был, но явно не выдержал бы даже саундчек, не то что полутора часовой концерт. Гитаристы отобрали у Кати багаж, даже маленькую сумочку с документами и ту понесли сами, а Ваня подставил вокалистке дружеское плечо.

— Знаешь, — сказал вдруг Дима после нескольких минут созерцания лихорадочно красного Катиного лица, — у меня тётушка фармацевт, хочешь, я у неё спрошу, чем полечиться?

— Спроси, конечно, — ответил вместо Кати Ваня.

— А я слышал, для голоса надо минералку с молоком пить, горячую, — заметил Макс. Катя невольно поморщилась, едва представив себе вкус этого коктейля. — И неча кривиться! У меня ученица одна на хор ходила в детстве, они там се этим молоком горло спасали.

— Сейчас отведём тебя на чек и кто-нибудь в магазин сбегает, — решил Ваня.

— А хочешь, я те подпою? — предложил вдруг Макс.

— Ты меня добить решил, что ли? — пошутила Катя, но идея показалась ей не такой уж плохой.

Как ни противилась Катя, как ни отбрыкивалась, но волшебным снадобьем музыканты её всё-таки напоили. Смесь оказалась совсем не такой отвратительной, как Катя ожидала, и напоминала обезжиренное молоко с содой. А главное — помогла! Не веря своему счастью, Катя со всеми предосторожностями провела саундчек, а на концерте вечером сразу после первой песни (которая, к слову, прозвучала вполне достойно) предупредила публику, что на привычную мощность, к сожалению, не способна. Все высокие ноты, включая фирменный си бемоль второй в бридже «Берега», пришлось передвинуть вниз. А бэк-вокалист из Макса получился неожиданно хороший: благодаря исключительному слуху он чётко строил интервалы, и певческий голос у него был приятный, так что песни от его вокального участия только выиграли.

Конечно, нашлись в зале те, кто был недоволен; кто-то, кажется, даже ушёл. Но подавляющее большинство собравшихся тепло поддержали Катю (и Макса тоже), а на следующий день в фан-группе «Лавины» кто-то написал под фотографиями и видео с концерта: «Да она и с большим горлом поёт лучше, чем половина нашей эстрады!». Комментарий набрал несколько сотен лайков.

Минерально-молочная смесь выручила Катю и на следующих двух концертах, в Новосибирске и Омске, а к Тюмени и Екатеринбургу вокалистка уже выздоровела.

— Передай своей ученице, что она нас спасла, — сказала Катя Макс, когда они стояли у окна и смотрели, как пролетают мимо тёмные, без единого огонька, деревни.

— Я ей уже альбом с автографами приготовил, — кивнул гитарист, думая, видимо, о чём-то своём.

Оставшаяся часть гастролей прошла без эксцессов, и «Лавина» благополучно вернулась в Петербург. До конца тура Макс так и подпевал Кате, хотя необходимости в этом уже не было. Пора было вплотную заняться новым материалом.

Профессиональная жизнь у Кати развивалась стремительно и бурно, а вот с личной всё было совсем грустно. Если в прошлом году Ваня то и дело приезжал к Кате на ночь или звал к себе, то в нынешнем ещё после зимних праздников как-то резко отмежевался и делал вид, что намёков не понимает, — а пригласить его открытым текстом Катя почему-то застеснялась. Она подозревала, что Ваня, вопреки заверениям, нашёл себе постоянную девушку или, во всяком случае, любовницу. Первое было бы ей обидно, второе — нет: Катя понимала, что сама в постели ничего не умеет, и, если бы Ваня захотел найти кого-то опытнее и смелее, не стала бы его осуждать. А вот триумф, с которым отнеслась к одиноким Катиным ночам пресловутая дыра на всю грудь, даже как-то пугал. Катя справлялась с одиночеством единственным известным ей способом — ныряла в работу. Зимой она познакомилась с симпатичным мужчиной в баре, а в начале лета скромный студент подошёл к ней в метро с предложением выпить вместе

кофе, но первый оказался женат, и Катя бросила его, как только об этом узнала, а второй ей просто не понравился. Любовь, тепло и заботу она могла почувствовать, разве что читая сентиментальные романы.

Как-то раз на репетиции — дело было в ноябре, концертов впереди оставалось всего ничего — Макс вдруг сказал:

— Катюх, а ты не хочешь чё-нить из наших песен дуэтом спеть?

— Каким дуэтом? С кем? — испугалась Катя.

— Да с мужиком с каким-нить. Ты с кем только ни пела — неужто выбрать не из кого?

— А зачем?

— А я согласен, — прогудел вдруг Дима. — В некоторые песни мужской голос так и просится. Да хоть бы в тот же «Берег».

— Ещё не хватало! «Берег» я точно ни с кем петь не буду.

При одной мысли о том, что чужой человек, тем более мужчина, будет разбирать выстраданные строчки, искать у смысла двойное дно да ещё у неё уточнять, Кате стало жутко. Это не только «Берега» касалось — все её песни были для Кати как дети родные, и делить их с кем-то, приоткрывать завесу над тайной их рождения она категорически не хотела.

— Идея классная, — подал голос из-за установки Ваня. — Хотя бы на концерт-другой. Вон даже Макса как хорошо приняли, а он и близко не вокалист. Было бы круто, если бы ты с хорошим певцом выступила, — это бы очень оживило сет.

— А что, сейчас он недостаточно живой? — огрызнулась Катя. Ваня пожал плечами и с отсутствующим видом принялся выстукивать вступление к новой песне «Detrimental»¹⁵. Катя написала её совсем недавно — и во многом по следам их с Ваней странных отношений.

На тот вечер Кате удалось свернуть с темы дуэта, но мысль о нём, похоже, не давала музыкантам покоя: то один, то другой, а то и все вместе регулярно напоминали своей вокалистке, что неплохо было бы разделить с кем-нибудь сцену на концерте «Лавины».

Год завершили большим выступлением в Москве и без всяких каникул отправились в студию — писать новый альбом. Старую студию, с пожелтевшим поролоном на стенах и вечно похмельным звукорежиссёром, за которого приходилось всё делать самим, без сожалений поменяли на другую — чистую, красивую, с великолепным микрофонным парком и просторным тонзалом¹⁶ для ударных. Записывал «Лавину» звукорежиссёр Лёша — хозяин студии и тёзка концертного звукорежа группы. Был он средних лет, бородатый, с глухим голосом и спокойный, как удав. Он же подобрал для Кати новый микрофон:

— Тебе такой яркий не нужен. Давай возьмём потемнее, голос благороднее звучать будет.

Катя в лоб сравнила две записи в разные микрофоны и вынуждена была согласиться, что Лёша прав.

Отзаписывались быстро: как-никак опыт, два альбома за плечами. Лёша всё свёл и отмастерил¹⁷ в рекордные сроки, так что удалось даже сделать поклонникам сюрприз и выпустить альбом чуть раньше заявленного срока. Пластинка разорвала все чарты и мгновенно взлетела на самую вершину популярности. Пять песен с неё постоянно крутились по радио, Катя не успевала добежать с одного интервью до другого, фотографии группы печатали даже в федеральных газетах, а плакаты с «Лавиной» висели теперь в комнате каждого второго подростка.

¹⁵ «Убыточный», «вредный» (англ.).

¹⁶ Тонзал — специальное помещение в звукозаписывающей студии, где находится вокалист или музыкант во время записи. Тонзал должен быть акустически подготовлен, чтобы отсекал нежелательный резонанс, эхо и посторонние шумы извне и не пропускать звук в пультовую, где находится звукорежиссёр.

¹⁷ Сведение и мастеринг — этапы подготовки музыкальных композиций, следующие за звукозаписью. Сведение (микширование) заключается в создании цельной композиции из дорожек отдельных инструментов (в т. ч. вокальных): отборе, редактировании, балансировании громкости дорожек, эквалаизация и т. п. Мастеринг — последний этап обработки композиции, позволяющий ей звучать одинаково хорошо на любых устройствах.

Предстоял большой тур почти на тридцать городов, открывали и закрывали который концертами в Петербурге. Музыканты снова заговорили о дуэтах; Катя сопротивлялась до последнего, но к концу года сдалась и согласилась подготовить дуэт для финальных выступлений.

— Как раз и время порепать будет, — радовался Макс. — Приедем-то за две недели до концертов.

Стали думать: кому выпадет удача спеть с вокалисткой «Лавины»? И какие именно песни? Споры на эту тему не стихали ни на репетициях, ни на саундчеках, ни за кулисами, ни в тамбурах вагонов, со стуком мчавших группу к следующему городу. Порой едва не доходило до драки, но наконец определились с тремя кандидатурами: Лёва из «Миллионов», Федя из «ЖЗЛ» и Миша из «Чёрных копателей», с которыми не так давно записывался Ваня. Когда Катя отправляла сообщения с предложением о дуэте, у неё ещё оставалась смутная надежда, что парни откажутся.

Согласились все трое.

— Вот видишь. — Макс аж руки потирал от предвкушения. — Они только и ждали, чтобы с нами выступить. Круто же!

— Ничего крутого не вижу, — сердито оборвала его Катя. — И куда их теперь троих?

— С каждым по песне и спеть, — предложил Дима.

— И останется ещё тринадцать в полном твоём распоряжении, — не без подначки добавил Ваня. — Счастливое число!

— Не хочу я три песни с ними петь, — буркнула Катя.

— Да чё ты вцепилась в материал как клещ! — выпалил в сердцах Макс. — Споят парни с тобой разочек — делов-то! Можно подумать, те придётся им все авторские права навсегда отдавать!

Вся эта история с дуэтами зашла слишком далеко. Катя охотно пела с другими исполнителями их песни, но вот пускать к себе на сцену никого не хотела. С другой стороны, а что ей оставалось делать? Да и не одна она в группе решения принимала.

Феде, вокалисту группы «ЖЗЛ», что расшифровывалось как «Желаем замечательного лайва», досталась песня «Think yourself»¹⁸ с нового альбома. Это была быстрая, агрессивная композиция, как раз в духе Фединой группы, и он быстро понял, что от него требуется. За его партию Катя была спокойна — настолько, насколько вообще могла быть спокойна за чьё-то исполнение, кроме своего. Кроме того, Макс дружил с гитаристом «ЖЗЛ» Женей и через него знал остальных, так что обстановка на репетициях была приятная, почти семейная.

Солист «Миллионов» Лёва оказался жутко самовлюблённым типом и не хотел слушать никаких Катиных указаний или хотя бы пожеланий относительно своего выступления. Катя хотела было выгнать его и отменить дуэт, но Макс уговорил не рубить сплеча и не портить отношения с популярной группой, так что пришлось скрепя сердце пожертвовать и Лёве песню.

— Ну выбери ты чё не жалко, — просил Макс, глядя на подругу щенячьими глазами.

— Ладно, — бурчала она. — Что-нибудь придумаю.

В итоге она дала Лёве куплет и припев в «Now dare you». Эту песню одинаково любили и группа, и поклонники, и её никак нельзя было назвать «что не жалко» — просто из всего концертного сета именно в ней было наименьшее пространство для вокального манёвра за счёт очень плотной инструментовки, в которой для голоса оставался довольно узкий коридор. На Катину счастье, Лёва хитрости не раскусил и разве что бубнил постоянно, мол, не дают ему развернуться, партия скучная.

— Вот и хорошо, — неизменно говорила Катя, едва он уходил. — Вот и отлично, что негде развернуться. Меньше накосячит.

¹⁸ «Думай сам», «думай своей головой» (англ.).

С творчеством «Чёрных копателей» Катя, как ни удивительно, знакома не была, хотя Ваня играл у них на последнем альбоме, а музыка группы звучала в то время из каждого рок-утога. Миша, их вокалист, немного опоздал на первую репетицию, и Катя хотела было высказать ему за это, но когда он появился на пороге, не смогла и слова выдать.

Это была та самая любовь с первого взгляда, о которой столько написано, снято, спето и сыграно. Кате показалось, что её пригвоздили к месту копьём, которое прошло всё её тело сверху донизу, от макушки до пяток. В комнате будто бы не осталось ни других людей, ни инструментов, ни даже воздуха — только она и этот мужчина.

Она смотрела на него во все глаза, хотя его никак нельзя было назвать красавчиком. Как раз до этого Кате не было ни малейшего дела. Среднего роста, среднего телосложения, среднего возраста, волосы какого-то неопределённого, тоже среднего, русого цвета — обычный мужчина, каких она сотни видела каждый день на улице. И в то же время таких она не встречала никогда.

— ...Я пока не знаю, какую песню ты мне предложишь, но мне очень нравится «The shore».

Катя встряхнула головой; из ушей словно вынули вату, и на неё сразу нахлынули звуки: Макс подстраивал гитару, Ваня смотрел у себя за установкой какое-то видео, Дима вполголоса переругивался по телефону с женой, а Миша — Миша обращался к ней. А она почти всё прослушала!

— Да ты что, — хмыкнул Макс. — Она к своему «Берегу» и близко никого не подпустит!

— Плыви к другому, — скаламбурил Ваня, не отрываясь от просмотра.

— Ну почему же, — выдавила Катя, справившись с голосом. Казалось бы, для такой опытной, техничной вокалистки это не должно быть сложно, но собственный голосовой аппарат вдруг отказался подчиняться. — Давай попробуем.

Даже Дима опустил трубку от уха и уставился на Катю, услышав такое. Она на трясущихся ногах подошла к стойке и взяла микрофон. Ваня пару раз стукнул карданом и только после этого отложил телефон и вооружился палочками. Макс снял с грифа тюнер и замер в ожидании счёта. Ваня отстучал четыре удара, и «Лавина» заиграла одну из лучших своих песен.

Только годы пения на сцене в любых условиях: на улице, в прокуренных клубах, простуженной, с заложенным ухом, падающей от усталости, с жуткой болью в животе из-за месячных, а ещё, конечно же, с пустотой внутри — помогли Кате вступить вовремя и красиво. Она всё-таки хрипнула на первой фразе, чего с ней почти никогда не случалось, но тут же исправилась, сузила гортань, поддала воздуха животом и в запеве вывела звук на привычный уровень громкости. Миша слушал и одобрительно кивал в особо удачные моменты, а Катя старалась изо всех сил, лишь бы увидеть ещё один кивок, и ещё, и ещё.

Катя не остановилась, когда спела куплет и припев; Миша хотел было вступить, но Катя качнула головой: перед вторым куплетом была хитрая добавочная доля, которая постоянно сбивала всех с толку, и во многом из-за неё солистка «Лавины» и решила петь дальше вместе с Мишей. Когда он сориентировался, Катя замолчала и стала слушать, как он исполняет её любимую песню, такую выстраданную и дорогую её сердцу.

Если бы Катя была в тот момент способна хоть на какое-то критическое мышление, она бы, конечно, сразу заметила, что исполнение это далеко от идеала. Даже Дима, который вечно был самым слабым звеном в группе, и тот хмурился, слушая, как Миша плоско и невыразительно пропевает строки, в Катиной интерпретации всегда звучавшие как отчаянная мольба со слезами на глазах. Макс и вовсе бросал на певца один сердитый взгляд за другим.

А Кате было всё равно. Для неё Мишино исполнение звучало райской музыкой, и когда их голоса слились в бридже и последнем припеве, Катя испытала невиданное прежде блаженство.

— Класс, — выпалила она, едва дотянула свою ноту — музыканты ещё даже коду сыграть не успели. Ваня нахмурился, а Макс хотел что-то возразить, но Катя уже тараторила: — Мне всё нравится. Сможешь и десятого, и шестнадцатого с нами выступить?

— Надо глянуть в ежедневнике, но, кажется, да.

— Супер! Тогда увидимся на репетиции во вторник.

Едва Миша ушёл, Макс повернулся к Кате:

— У тебя опять ухо болит, что ли?

— Что?.. Почему? С чего ты взял? — рассеянно откликнулась она.

— Он тебе песню испортил, а ты нахваливаешь.

— Испортил? В каком месте он её испортил? — накинулась на друга Катя.

— Да во всех, — сказал Ваня, крутя в руках палочку.

— Ничего не испортил! Для первого раза очень хорошо!

Трое музыкантов переглянулись и больше ничего не сказали. Поняли, видно, что с влюблённой по уши женщиной спорить бесполезно.

Декабрьские концерты прошли на ура. Нововведение с дуэтами публика приветствовала громоподобными раскатами радостных воплей, и даже Лёва не смог испортить никому настроение. «Берег» поставили предпоследней песней, и Катя всю душу вложила в исполнение. Странно только, как Миша не понял, что её страстные призывы, её мольбы обращены именно к нему, а ни к какому не к лирическому герою?.. Правда, когда после концерта у него на шее повисла какая-то девица, Катя начала догадываться, в чём дело.

Последний концерт года, шестнадцатого декабря, отыграли феерично. Катя выкладывалась так, словно от её выступления зависела как минимум жизнь всех собравшихся. Даже мерзкий Лёва проникся и исполнил свою партию в «How dare you» с полной отдачей.

Погас свет и зазвучало в записи инструментальное вступление к «Берегу» — фортепиано и виолончель, как Катя и хотела, его сделали летом без участия «Лавины» две солистки филармонии под чутким Лёшиным руководством. У Кати по коже поползли мурашки размером с улитку ахатину. Впервые за всю карьеру, то есть почти шесть лет, Катя чувствовала, как от волнения подкашиваются ноги. Когда на сцену вышли музыканты и заиграли свои партии, она на секунду зажмурила глаза, прижала руку к груди над чашками корсета, глубоко вдохнула и вышла из-за кулис.

Первый куплет и припев пришлось петь сидя на мониторе: ноги Катю не держали. Голос звучал как никогда проникновенно и эмоционально; закончив припев, Катя посмотрела в зал и увидела, что в первых рядах плачут не только девушки, но и несколько мужчин.

Мишу встретили на этом концерте лучше, чем на прошлом: тогда фанаты не ожидали его появления в знаменитой и всеми любимой песне, да к тому же он умудрился забыть строчку в припеве, так что его едва не освистали. Возмущение публики Катя приняла так близко к сердцу, будто людям не понравилась она сама. Теперь же, видимо, зрители уже готовы были к дуэту, так что отреагировали спокойнее.

На последнем припеве, который Катя и Миша исполняли вместе, она поднялась со своего монитора, подошла к Мише и положила руку ему на грудь, прямо посередине. Стояли они так близко, что пришлось немного отвернуть головы друг от друга, чтобы не задевать чужой микрофон. Катя пела так, что оставалось только удивляться, почему сразу же после завершения песни Миша не упал перед ней на колени и не предложил руку, сердце и всё остальное в придачу.

Никаких объяснений не случилось, разве что у Миши с его девушкой Олесей уже после концерта. Олеся рвалась разбираться с Катей, но та очень вовремя закрылась переодеваться в гримёрке, а когда вышла оттуда, праведный гнев Мишиной подруги уже поутих и парочка вышла на улицу дышать свежим воздухом и мириться.

— Ты бы поосторожнее с эмоциями, — посоветовал Ваня, когда группа собралась у выхода. — Будешь продолжать в том же духе — придётся нам новую вокалистку искать. Мне казалось, эта девица с тебя вот-вот скальп снимет.

К удивлению музыкантов, Катя ничего не ответила. Макс, Дима и Ваня немного подождали, скажет ли она что-нибудь, и завели разговор о планах на праздники. Стоило им обменяться парой реплик, как Катя их огорошила:

— Я хочу предложить Мише у нас петь. На постоянной основе.

Музыканты остановились как вкопанные и уставились на неё. Ваня слишком спокойно спросил:

— Что, прости? — тоном, каким разговаривают с буйнопомешанными, а Дима растерянно прогудел:

— Дак у него своя группа.

— Я помню, спасибо, — огрызнулась Катя. — Но поют же некоторые в двух группах, даже гастролируют. Он обещал подумать, как бы это провернуть.

— Ты чё, ему уже чёт сказала? Нас не спросив? — вскинулся Макс. Катя посмотрела на него как на полного дурака:

— Ну разумеется. Я же должна была понять, как он к этому отнесётся. Вдруг бы сразу отказался — тогда и говорить не о чем.

— А как мы к этому относимся, ты понять не должна была, не?! — Гитарист почти кричал.

— Не ори на меня, — ледяным тоном ответила Катя. — Вы ко мне не очень-то прислушивались, когда я говорила, что никаких дуэтов не хочу.

— Так мы ж не привели к те парней и не сказали — всё, пой давай с ними. Мы вынесли идею на обсуждение!

— И потом давили на меня несколько месяцев, пока я не согласилась! — Катя тоже начала повышать голос.

— Так, ребят, всё, — вмешался Ваня. — Расходимся, пока не подрались.

Макс выбежал на улицу первым; дверь грохнула у него за спиной. Катя злобно посмотрела вслед. Дима попрощался и тоже вышел.

— Тебя подвезти? — спросил барабанщик.

— Давай, — после чересчур долгой паузы согласилась Катя.

Ваня минут десять укладывал в багажник установку, прежде чем наконец посадить Катю в прогретую машину и сесть за руль. Почти полдороги проехали молча, потом Ваня спросил:

— Хочешь, я останусь сегодня?

— Нет, — тут же ответила Катя. Он вздохнул:

— Тебя бесполезно сейчас вразумлять, да?

— Насчёт чего?

— Насчёт того, что ты в Мишку втюрилась.

— Бесполезно.

— Но ты хоть понимаешь, что так дела не делаются? Ты не можешь просто взять и пригласить в группу нового человека, не сказав нам об этом. Я уж не говорю — не посоветовавшись.

— Всё я могу. Например, ударника поменять. Забыл, кто группу основал?

— Нет, спасибо, хорошо помню.

— Или что почти все песни я пишу?

— Кать, да не кипятись ты. Никто твоих заслуг и не отрицает. Все гастроли тоже ты планируешь, интервью по большей части на тебе, дуэты ещё всякие и прочие коллабы. Но у нас ведь с самого начала было принято, что мы все вместе каждое важное решение обсуждаем, разве нет?

— В самом начале были мы с Максом, — отрезала она и отвернулась.

— Так ты же и Максиму ничего не сказала.

Катя сделала вид, что не слышит.

Ваня остановил машину у самой Катиной парадной и хотел было выйти открыть дверцу, но Катя бросила ему:

— Не трудись.

— Увидимся на репе! — крикнул ей в спину Ваня. Она не ответила. Он подождал, пока в Катиных окнах зажётся свет, и только тогда поехал домой.

Меньше чем через месяц Миша Валюшкин официально стал вокалистом «Лавины».

Глава пятая. Олеся и Лёля

Появление нового певца неоднозначно восприняли даже члены группы — что уж говорить о поклонниках. Те, кто приветствовал появление Миши в «Лавине», оказались в абсолютном меньшинстве, а подавляющее большинство выказывало разные степени недовольства: от тихого ропота до развёрнутых кампаний в соцсетях. Один сибирский фан-клуб даже пригрозил бойкотировать концерт, если группа придет с Мишей. И только Кате всё безоговорочно нравилось.

Она не замечала, как Миша спотыкается или откровенно врёт в песнях, как путает и забывает слова, как вздыхает, что в своей группе у него партии не в пример проще. И как не нравится его присутствие музыкантам — тоже. Значение имело только то, что она постоянно была с ним рядом — репетировала, выступала, советовалась насчёт новых песен, ездила на репточку и с неё, на концертные площадки и обратно. Катя прекрасно знала, что Миша несвободен, но это нисколько её не смущало: пока ей достаточно было его присутствия на расстоянии вытянутой руки. Впрочем, она подозревала, что это вскоре изменится. Так и случилось.

На летнем фестивале в Крыму «Лавина» закрывала программу второго дня — это было одно из самых престижных выступлений всего мероприятия. Сет группы поставили на половину десятого вечера, но, как водится, вовремя никто не начал, и «Лавина» появилась на сцене только в одиннадцатом часу.

Публики было очень много: фестиваль собрал почти тридцать тысяч зрителей. Конечно, не все они были сейчас перед сценой, но человеческое море впечатляло. Сразу за ним, в отдалении, бормотало и другое море — Чёрное. Растрёпанные облака целомудренно прикрывали луну.

Сет подобрали поспокойнее, что при репертуаре «Лавины» было непросто. Музыканты разумно рассудили, что после целого дня выступлений публика уже подустала и наверняка не откажется расслабиться, спеть любимые песни хором и покачаться в такт в медленном танце. Самые агрессивные из выбранных композиций исполняли в акустике.

Выступление понравилось публике настолько, что она даже забыла освистывать Мишу перед каждой песней, как это неизменно происходило с самого января. Недовольное «бу-у-у!» слышалось только в начале сета, а потом зрители увлеклись программой и дружно подпевали. На медленных песнях Катя видела тут и там кружащиеся в танце пары.

«Берег» на этот раз поставили последним: сочли его идеальным завершением вечера. Когда сцена погрузилась в темноту после предыдущей песни, а публика на все лады запросила ещё, Катя взглянула вдаль. Луна сорвала последние клочья облаков, и по морю пролегла искрящаяся, словно ртуть, дорожка. «Ну прямо Айвазовский», — подумала вдруг Катя и почувствовала, как её захлёстывает всеобъемлющее желание, скорее даже требование, быть кому-то нужной. Дыра внутри разрослась до такого гаргантюанского размера, что её срочно нужно было заткнуть, иначе она грозила поглотить всё Катино существо.

Катя еле дотерпела до третьего припева, а когда он наконец зазвучал — подбежала к Мише и вцепилась ему в руку с силой многолетнего отчаяния. И краем глаза заметила, как нахмурился Макс. Едва вокальные линии кончились, Катя встала на цыпочки и поцеловала Мишу в губы.

Ваня сбился с ритма и, судя по всему, сломал палочку. Дима сделал слайд, которого в «Береге» отродясь не было, но прозвучало неожиданно уместно. Макс закашлялся так, что шахтёры бы посочувствовали. А публика взревела. У этого крика была такая ударная волна, что Катю чуть не сбilo с ног, и она сильнее схватилась за Мишу.

Он ей отвечал. Катя надеялась на это, но не рассчитывала. Впрочем, не успела она прикинуть к нему теснее, как он мягко отстранил её, обнял за талию и, улыбаясь зрителям, поклонился, увлекая Катю с собой в этот поклон.

Она не знала, что и думать, и спускалась со сцены с отчаянием пирата, идущего по доске за борт. Где-то сзади Макс топал так сердито, что, казалось, вот-вот обрушит ступени.

— Эт чё такое?! — набросился он на Катю, едва группа оказалась вне зоны слышимости поклонников и персонала сцены.

— Это для экспрессии, — спокойно ответил ему Миша. Макс перевёл на него взгляд:

— Для какой ещё экспрессии?

— Ну песня-то про любовь. Крым, летняя ночь, медляк — вот мы с Катей и решили немножко подогреть аудиторию.

— Подожди, вы чё — заранее договорились?

— Ну да, — пожал плечами Миша. — Я и Олеську предупредил, чтоб не бесилась. Она, конечно, от одной просьбы уже взъерепенилась, но хоть не будет думать, что я гуляю. — Он выразительно посмотрел на Катю.

— Лёлька бы меня за такое предупреждение с говном сожрала, — грустно сказал Макс, закручивая волосы в узел. — Не говоря уж о поцелуях с другими бабами.

До самолёта было ещё часа три; «Лавина» прибыла в аэропорт, и музыканты разбрелись кто куда. С этого года они наконец-то ездили на выступления со своими звукорежиссёром и техником, так что было кому посторожить инструменты.

Катя, вся душа которой была раздёргана событиями последнего часа, пошла в туалет. Едва она оттуда вышла, как сразу наткнулась на Мишу.

— Спасибо, — пролепетала она, не смея поднять на него глаза.

— В этот раз я тебя выручил, но больше на это не рассчитывай. Олеська меня и так прибьёт, когда видео посмотрит. Если ты ещё не догадалась, я приключений не ищу. Хочешь секса — тебе к Ваньке, этот точно не откажется.

— Да не секса я хочу, — сердито ответила она.

— А чего ж тогда? Замуж, что ли? Тут я тебе вообще не помощник.

— Не понял до сих пор, что ты мне нравишься?

— Да это бы и последний идиот понял.

Катя промолчала. Ей было очень неудобно: получается, Миша знал о её чувствах, но не считал нужным на них хоть как-то реагировать? Или как раз в отсутствии ответа его ответ и заключался?

— Я не хочу уходить из группы, но, если ты выкинешь ещё что-нибудь подобное, придётся, — сказал Миша. — Знаешь, мне спокойствие моё и Олеськино дороже.

— Понятно, — бесцветным голосом ответила Катя. — Больше лезть не буду. Извини.

Когда группа вернулась в Петербург, Миша вынужден был почти две недели кантоваться то у Макса с Лёлей, то у Вани, то у товарищей по «Копателям»: Олеся выставила его за дверь. Впрочем, двенадцать дней спустя он вымолил у неё прощение и вернулся домой. Катя восприняла это с внешним спокойствием. Хорошо хоть Макс, Дима и Ваня, похоже, поверили в постановочный поцелуй ради эпатажа.

Кате казалось, что пустота внутри ещё расширилась и занимает едва ли не всё тело. Порой она чувствовала головокружение и дурноту, словно стояла на краю пропасти, словно всё её существо летело в эту пустоту, как в чёрную дыру, схлопывалось и съживалось, стремясь превратиться в точку.

Недели через три после злополучного фестиваля Катя стала замечать, что Макс как-то необычайно мрачен. Она пыталась узнать у него, что стряслось и все ли здоровы, но он молчал как партизан и только по-бычьему качал головой. А потом вдруг как-то предложил после репетиции:

— Поехали, подвезу.

— Да брось ты, такой крюк...

— Никакого крюка, — перебил он. — Я к родителям вернулся.

— В смысле?!

Макс опять мотнул головой, взял чехол с гитарой и пошёл на улицу. Катя догнала его и ещё раз спросила:

— Да что случилось-то?

Он ответил не раньше, чем устроил гитару на заднем сиденье, открыл пассажирскую дверцу для Кати (именно в таком порядке: сначала инструмент, потом женщина), уселся сам, завёл мотор и положил руки на руль.

— Я от Лёльки ушёл.

«Я от зайца ушёл, я от волка ушёл, от тебя, медведь, не хитро уйти», — чуть не добавила Катя, но в последний момент сдержалась, не без оснований предположив: чрезвычайно остроумные отсылки — последнее, что сейчас нужно её старому другу.

А ведь они сто лет нормально не разговаривали, поняла вдруг Катя. Музыка одна да взаимные претензии — вот и всё, что от дружбы осталось. Ну хорошо, перезванивались ещё, в последние пару лет даже довольно регулярно, почти как до Лёли, но и тогда речь шла по большей части про музыку. Может, сейчас получится какие-то мосты навести?

— Что у вас произошло?

— Застукал её, — сказал Макс, не отрывая взгляда от дороги: выехали на набережную Обводного.

— В смысле... прям с мужчиной? — выдавила Катя. Всё это напоминало сцену из дурацкого анекдота.

— Не, с ребёнком.

У Кати глаза на лоб полезли.

— Ты о чём? Это же...

— Не тупи. С её ребёнком. Она его супом кормила как раз.

— У неё есть ребёнок? И ты только сейчас... Подожди, — перебила сама себя Катя. — Она же тебе говорила, что...

— Да, да. Плела, что я у неё первый был, ага.

— Получается, что как минимум разок, но с кем-то у неё до тебя было?

— Да какой там разок! Я однокласснице её написал. В друзьях у неё по номеру школы нашёл. Так та девчонка мне сказала, что у Лёльки прозвище было — знаешь, какое? Олька-одноночка.

Катя сдавленно охнула. Ей трудно было даже представить себе, что почувствовал Макс, узнав такое.

— Я тогда с репетиции отпросился, помнишь, на той неделе? Живот прихватило. Еле до дома доехал — чуть не обосрался. Отпираю дверь, а она не открывается. Я думал, может, заклинило чё, попробовал ещё раз — хрен там. Слышу — внутри шебуршание какое-то, как будто крыс спугнул. Тут и смекнул, что дверь-то изнутри на второй замок заперта, а его снаружи никак не отопрёшь. Начал звонить, стучать. А Лёлька всё не открывает.

Он вздохнул, включил поворотник и обогнул тащившуюся не в своём ряду фуру.

— Наконец отпирает, а у самой морда как у собаки нашкодившей. Ну, знаешь, как они... — Катя кивнула, но Макс этого не заметил, потому что пристально, чересчур пристально смотрел на дорогу. — И тут пацанёнок выбегает, большой уже, лет десять. И лицо у него как под копирку Лёлькино — никакого теста не надо. Я и срать забыл.

— А она что?

— Рыдать начала, типа щас всё объясню. Я ору, чтоб в жопу свои объяснения засунула. Вещи собрал, в машину закинул и к родителям. Она потом названивала, я трубку не брал, а

вчера вообще заблокил её на хрен. Так она с чужого номера матери дозвонилась, мать ко мне — чё у вас там происходит, между собой разбирайтесь, я вам не испорченный телефон.

— Пришлось разговаривать? — Катя постаралась вложить в голос всё сочувствие, на какое была способна. Сама слышала, что получилось так себе, но хоть что-то.

— Ага. Ну как — разговаривать... Половину времени она рыдала, ещё почти половину — каялась. За оставшееся превозмогла-таки мне рассказать, как так вышло. В общем, Лёшке — это сын её — одиннадцать лет, родила она его в восемнадцать, сама не поняла от кого, и матери сбагрила. Та в своё время примерно так же поступила, да ещё два раза кряду, Лёльку-то с Ксеньей бабка воспитывала. Так что мамаша поорала немножко и угомонилась. А Лёлька как ни в чём не бывало личную жизнь устраивать принялась, счастье, понимаешь ли, искать.

— И не придумала ничего лучше, чем наврать тебе про девственность?

— Ага. — Он поморщился, будто у него стрельнуло в ухо. — Грит, ей показалось, я джентльмен, вот и решила на благородство надавить.

— Но как же ты... — Катя замялась. — Ну, она рожавшая...

— Кесарево у неё было. Там, внизу, ничё не заметно.

— Тем более. Если кесарево, значит, шрам остался...

— Я те чё, хирург? — огрызнулся Макс. — Ну шрам и шрам — больно я понимаю, от чего. Она наплела про аппендицит чё-то, я и поверил.

— И что теперь? Почему, кстати, ты из квартиры съехал, а не она?

— Потому что рожу её видеть не могу. Тошнит — вот буквально: вижу её и блевать тянет. Хотел побыстрее свалить.

— Будете делить жильё?

— Не-а. Она за эти шесть лет ни дня не работала. Квартира моя. Как найдёт куда свалить, так и до свидания. И сам тоже жить там не буду, продам и поближе... — Макс замялся. — Ну, поближе к родителям чё-нить куплю.

Катя смотрела-смотрела на него, потом протянула руку и положила ему на плечо:

— Мне очень жаль. Правда. Мне твоя Лёля никогда не нравилась, но ты-то её любил, наверно, — вон сколько лет вместе прожили.

— Умеешь ты утешить.

— Не умею. Мне и самой неловко.

— Ну ты хоть это признаёшь. — Макс помолчал. — Знаешь, это и хорошо, на самом деле. Если б ещё ты щас причитать начала, я б, наверно, кончился. Мама круглыми сутками стенает: ну как же так, Максимка, вы ж так долго вместе были, ну что ж вы, да помиритесь ещё и поженитесь, мальчика усыновишь — вот это вот всё. Рехнуться можно.

— Если бы моя мать что-нибудь такое мне сказала, я была бы на седьмом небе, — вырвалось у Кати. Макс поставил машину — они уже приехали к её дому — и повернулся к подруге:

— А ты ведь мне никогда про свою семью ничё не рассказывала.

— А что рассказывать-то. Семьи нет — и говорить не о чем.

Катя хотела было поблагодарить друга, что подвёз, и выйти из машины, но он поймал её за руку:

— Опять от разговора убегаешь? Ну уж нет.

Он увязался за ней. Катя поставила чайник, выдала Максу тапки, которые держала неизвестно для кого — Ваня-то к ней уже сто лет не приезжал — и пригласила за стол.

— У тебя только мать? Или отец тоже есть? — спросил друг, не дожидаясь чаю.

— Отец, конечно, есть. Чисто технически, — пожала плечами Катя. — Но мне о нём ничего не известно, даже имени не знаю. В свидетельстве прочерк, а отчество у меня как у матери — Дмитриевна. От кого она меня родила — не говорит. Мне, правда, не особо и интересно. Нет, бывает, конечно, любопытно: кто он был, какой. Я, видимо, на него похожа, потому что от матери — ничего.

— Может, она потому ты и не любишь? — предположил Макс. — Может, там трагедия какая...

— А на мне не надо зло вымещать, даже если трагедия, — жёстко ответила Катя. — Если уж родила — будь добра хотя бы замечать, что у тебя ребёнок. Моя мать даже с этим не особо справлялась, не говоря уж о какой-то там любви, заботе. Сколько себя помню, она вечно хахалей в дом таскала — ничего, что дочь маленькая, подумаешь. Пусть к новому мужику привыкает. Хорошо хоть педофилов среди них не было.

Она сердито качнула головой и отпила чаю. Макс проговорил:

— Да уж, несладко те жилось. А я-то думал, это мне тяжело было с вечным туда не ходи, сюда не ходи, к десяти чтоб дома, да где ты опять был, чё от куртки куревом воняет — всякое такое, знаешь.

— Нет, не знаю. — Катя отвернулась. — Никогда такого не слышала, разве что хахаль очередной воспитывать пытался. Один, помню, даже лупил — хорошо, надолго не задержался. А нет, не один. Была ещё парочка, но те за ремень не хватались — так, подзатыльник-другой.

Она пожала плечами. Макс молчал, и Катя с облегчением решила, что разговор про семью закончен.

— С таким детством ты на удивление нормальная выросла, — сказал он вдруг.

— Спасибо на добром слове.

— А знаешь чё, Катюх... Может, нам с тобой попробовать?

— Что попробовать? — удивилась она.

— Ну... встречаться.

— Это тебе после моих душераздирающих рассказов в голову взбрело?

— Нет, почему. Честно говоря, давно об этом думаю.

— И зря. Мы с тобой раз попробовали уже — забыл?

— Так не встречались же. Я вроде склерозом пока не страдаю.

— Встречаться не встречались, а кое-что было. В автобусе, когда с «КиШа» ехали.

Макс уставился на неё с искренним изумлением:

— Да это ж разве «кое-что»? Так, недоразумение одно. Я тогда, кстати, чуть со стыда не помер: поцеловать красивую девчонку нормально — и то не сумел. На следующий день смотреть на ты боялся.

— Извини, но быть эрзацем твоей Лёли не хочу, — сменила тактику Катя. От того, что Макс мимоходом назвал её красивой, стало очень неловко и даже как-то не по себе, словно вместо человека, которого она семнадцать лет знала, перед ней вдруг оказался незнакомец.

— Да при чём тут она ваще! Никакой ты не эрзац. Я б к те давно подкатил, так она ж вцепилась как клещ, вправо-влево ни ногой. Уйти хотел — не пускала, в ноги кидалась, рыдала.

— Перестань, пожалуйста, — со всей возможной мягкостью попросила Катя. — Даже если бы это и впрямь была хорошая идея, у тебя только что закончились многолетние отношения. Сначала надо прийти в себя, а потом уже о новых думать.

Макс помолчал, а потом вдруг предложил:

— Давай хоть поцелуемся разок по-нормальному, а то так и будешь автобус этот вспоминать. Надо ж мне реабилитироваться как-то.

Катя хотела отказаться, но в груди кольнуло болью: она ведь совсем никому не нужна, а тут хоть какое-то человеческое тепло, пусть и от друга с разбитым сердцем. Ему утешение, ну и ей приятно. Наверное.

— Ну давай.

Макс и так сидел рядом, а тут привстал, подтянул табуретку ещё ближе. Остановился, долго смотрел Кате в глаза, потом погладил по щеке — ласково, как-то осторожно даже, она от него не ожидала. Это же Макс, грубиян и любитель подначек, которому зелено всё, что не фиолетово. И на пальцах, особенно вот на этой, левой, руке, у него непроходящие мозоли

от струн. Мозоли, которых она сейчас почему-то не заметила... Он подался вперёд — Катя прикрыла глаза и почувствовала, что губы у Макса очень мягкие, что он обнимает её голову одной рукой, положив ладонь ей под затылок, что дыхание у него пахнет фруктовой жвачкой и что сама она тянется к нему, как пресловутый росток к солнцу.

Ничего хорошего из этого выйти не могло.

Она не стала отодвигаться и прерывать поцелуй, а когда это сделал Макс, сказала:

— Да, с четырнадцати лет ты явно кое-чему научился. — Это было очевидное преуменьшение, но Катя не хотела признаваться, даже себе самой, насколько ей понравилось. Макс насутился, шумно допил давно остывший чай и поднялся.

— Ты всё-таки подумай, — сказал он уже в прихожей, натягивая куртку. — Ну, насчёт того, чтоб нам с тобой встречаться.

Катя покачала головой, и он добавил:

— С Мишкой те всё равно ничё не светит, да и не пара он те.

— Какая разница. — Она пожала плечами, подавляя желание стукнуть друга, да побольнее.

— А ты думала, мы с парнями не поняли, чё ты его в группу притащила?

— Даже если бы Миши не было, нам с тобой встречаться — плохая идея. И вообще не понимаю, что ты так разошёлся. Разве мало вокруг тебя девушек вьётся?

— При чём тут это? Вокруг ты тоже нормальных мужиков полно, а ты эту размазню выбрала.

Катя стиснула зубы. Ей стоило больших усилий не нахамить в ответ и не вытолкать Макса вон. Или хотя бы не спросить: «Нормальные мужики — это ты, что ли?» Вместо этого она как могла спокойно сказала:

— Давай закончим этот разговор, а то ни до чего хорошего не договоримся. Спасибо, что подвёз, но теперь я хочу остаться одна.

— Мне можешь зубы не показывать. Я ты как облупленную знаю.

Она не совсем поняла, к чему он это сказал, но решила промолчать. Макс дёрнул шнурок, затянул узел и выпрямился.

— Спокойной ночи, — с кривой улыбкой сказал он и ушёл. Катя машинально закрыла за ним дверь и села на пол — прямо в прихожей.

Макс знал, куда давить. Она и сама понимала, что ничего хорошего из её влюблённости в несвободного Мишу не выйдет. Более того: Катя была способна отстраниться от ситуации и взглянуть на всё со стороны, и когда она это делала, то прекрасно видела, что с Мишей не будет счастлива, даже если добьётся своего. Макс обозначил главную черту вокалиста «Лавины» грубо, но верно: Миша и правда был размазнёй, рохлей. Он плыл по течению и ждал, пока за него всё решат другие, а сам ленился даже подумать, чего бы хотел.

С другой стороны, Макс повёл себя очень некрасиво. Понял, что его авансы улетели в молоко, и решил сделать Кате побольнее. А как именно, он прекрасно знал — выучил подругу за столько лет, как себя. После таких заявлений, как этим вечером, Макс мог вообще ни на что не рассчитывать. Правда, Катя и так на него как на мужчину не смотрела, но вдруг бы её мнение когда-нибудь поменялось...

Тем более что целовался он теперь и в самом деле замечательно.

Осень была тоскливая что по погоде, что по настроению. Концертов было мало, да и те по большей части не сольники, а выступления то тут, то там на фестивалях.

Катя всё глядела на Мишу, как провинившаяся собака, которая ждёт прощения от хозяина. Ей то и дело вспоминалась та пара, которую она видела на концерте «Арии»: высокий худощавый парень и девушка младше него. Именно так, как смотрела на своего спутника та бедняжка, теперь сама Катя смотрела на Мишу. Зрелище из неё было, прямо сказать, жалкое.

Катя понимала, что делает только хуже, что ни один нормальный мужчина не соблазнится женщиной, которая бегаёт следом и в рот ему заглядывает, но сил, да и желания, что-то менять у неё не было. Хорошо хоть Макс больше не делал ей никаких романтических предложений — пикироваться с ним ей нравилось гораздо больше. Катя списала его поведение тем вечером на то, что друг искал утешения и, возможно, хотел немножко подпитать самооценку, которая наверняка получила чувствительный удар из-за истории с Лёлей. Потому и позвал подругу встречаться — просто она оказалась первой женщиной, подвернувшейся под руку. Уж в чём-чём, а в поклонницах у Макса никогда недостатка не было.

А потом, в октябре, случилось такое, что Катя забыла на время и свою дурацкую любовь, и вообще всё на свете.

«Лавина» поехала в Смоленск — выступить на фестивале. Кто проводит фестивали посреди осени, да ещё в крошечном душном помещении, вопрос риторический, но группа была ничем не занята, а тут организаторы пообещали гостиницу в центре города, четырёхразовое питание и культурную программу. Гонорар тоже был неплохой — решили ехать.

Всё оказалось даже лучше, чем обещали: чистая новенькая гостиница недалеко от Успенского собора, прекрасная кухня, трёхчасовая экскурсия по Смоленску и отдельно — в Талашкино. Кате, как главной в группе, подарили целую кипу книг, в том числе мемуары княгини Тенишевой и красивейший альбом «Глинка на Смоленщине», чтобы она распределила дары среди остальных.

— Всё забирай, — пожал плечами Макс, когда Катя подняла вопрос о том, как делить книги. — Мы тупые, не читаем ничё.

Дима, Миша и Ваня изобразили разные степени возмущения такой оценкой своих интеллектуальных способностей, но единодушно поддержали гитариста в том, что книги Катя может забрать.

— Я, когда вернёмся, тебя с ними до дома довезу, — добавил Ваня. — И сейчас давай понесу.

Выступление тоже прошло прекрасно: «Лавина» закрывала фестивальную программу, публика уже была хорошо разогрета и пела так, что если бы не наушники, Катя бы вовсе себя не слышала.

После второго выхода на бис группа всё же покинула сцену, посидела минут двадцать в гримёрке, отдышалась и пошла раздавать автографы и фотографироваться. И тут-то произошло страшное.

К Ване подошёл странноватый паренёк — вроде как за автографом. Что-то бормотал, глазки бегали, руки ходуном ходили. А когда Ваня вернул ему подписанный билет, парень вытащил из кармана складной нож, выбросил лезвие и всадил Ване под рёбра.

Катя как раз в этот момент повернулась, чтобы махнуть барабанщику: пора, пойдём, — и всё видела.

Потом, ночью, в отделении полиции никто из свидетелей не мог ответить на вопрос, что бормотал преступник перед самым нападением. А Катя — могла.

«Не трогай Катьку, урод!»

Но полиция была позже. А тогда, повернув голову, Катя словно в замедленной съёмке, словно в вязком кошмаре, наблюдала, как Ваня в недоумении опускает голову, как нападавший выдёргивает нож, как на светло-серой футболке барабанщика появляется багровое пятно, как толпа накидывается на преступника и двое крепких парней заламывают ему руки, а третий с размаху бьёт кулаком в лицо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.